

DOI 10.15393/j9.art.2018.5181

УДК 821.161.1.09“18”

Игорь Алексеевич Виноградов*Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)*

info@imli.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОПОВЕДЬ Н. В. ГОГОЛЯ: PRO ET CONTRA

Аннотация. Статья посвящена изучению противоречивого отношения к наследию Н. В. Гоголя в последующей русской литературе. Анализируется конфликт между содержанием творчества писателя и пафосом его ближайших «продолжателей», представителей так называемой «натуральной школы», объединившей литераторов западнического направления, во главе с В. Г. Белинским и Н. А. Некрасовым. Обозначена роль П. В. Анненкова, В. П. Боткина, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского и др. в антигоголевской кампании, развернутой в 1847 г. Белинским по поводу выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями». Подробно рассматривается особое отношение к гоголевским традициям Ф. М. Достоевского. Детально освещена история статьи Тургенева о смерти Гоголя 1852 г. Уточняются истоки известного сатирического выпада тургеневского героя Базарова в адрес Гоголя в «Отцах и детях». Представлена объективная картина гоголевских оценок произведений Тургенева. Впервые изложена история возникновения и развития «литературоцентризма» отечественной культуры XIX–XX вв.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, творчество, интерпретация, традиции, профетизм, литературоцентризм, проповедь, «Выбранные места из переписки с друзьями», западничество, славянофильство, полемика, пародия

***

Наследование Н. В. Гоголю в русской литературе имеет долгую и плодотворную традицию, но начинается с конфликта. Конфликт заключается в глубоком противоречии между содержанием творчества Гоголя и пафосом его ближайших «продолжателей», представителей так называемой «натуральной школы», объединившей литераторов западнического направления, во главе с В. Г. Белинским и Н. А. Некрасовым.

Разницу между Гоголем и натуральной школой современники ощутили немедленно с появлением последней. Критик и писатель Р. М. Зотов в 1846 г. замечал:

«...что такое эта новая натуральная школа <...>? Все называют Гоголя и Лермонтова основателями этой школы <...>. Но мы сомневаемся, чтоб они когда-либо хотели основать новую литературную школу в том виде, как ее теперь понимают юные питомцы муз» [Зотов: 1046].

Графиня Е. П. Ростопчина вскоре после смерти писателя не без раздражения писала о его «бездарных подражателях», подразумевая под ними представителей натуральной школы:

«...раскусив, что им на поприще поэзии нет места и дела, <они> обрадовались возможности действовать в прозе, — и принялись наперерыв утучневать навозом своим широкое поле осиротевшей литературы... Легко, удобно, выгодно! Вот они и хвалят этот род литературы, единый, который им по плечу. *Гоголь* у них знамя, украденное знамя, которым они прикрывают свою нищету и наготу! *Гоголь* у них камень, которым они хотят уничтожить и раздавить ненавистную им поэзию!.. *Die Ideale sind zerronnen!*¹⁾ А за них-то, за идеалы, кумиры моей молодости, заступаюсь я, <...> ополчаюсь при каждом случае против *реалистов, германистов, грязистов* и всей пресмыкающейся пишущей братии!» [Барсуков: 95].

Белинский в письмах к К. Д. Кавелину (от 22 ноября и 7 декабря 1847 г.) в свою очередь указывал, что, хотя натуральная школа и «идет» от Гоголя, однако между нею и Гоголем — «целая бездна» [Белинский: т. 12, 461]:

«...все, что Вы говорите о различии натуральной школы от Гоголя, <...> совершенно справедливо; но сказать этого печатно я не решусь...» [Белинский: т. 12, 432].

Впрочем, и без признаний Белинского современникам Гоголя было вполне понятно, откуда на самом деле берет начало натуральная школа. «Отцом» школы «натуралистов» в действительности был сам Белинский. Близкий друг критика, западник

¹⁾ Идеалы растаяли! (нем.) Строка из стихотворения Ф. фон Шиллера «Идеалы» (1795).

П. В. Анненков в своем мемуарном цикле «Замечательное десятилетие» (1880) так вспоминал об истолковании Белинским гоголевских произведений, в частности «Мертвых душ»:

«...Белинский <...> как бы считал своим жизненным призванием поставить содержание “Мертвых Душ” вне возможности предполагать, что в нем таится что-либо другое, кроме <...> картины современного <...> русского общества. Все силы своего критического ума напрягал он для того, чтоб отстранить и уничтожить попытки к допущению каких-либо других, смягчающих выводов из знаменитого романа, кроме <...> суровых, строго обличающих...» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 511–512].

С этими интерпретациями гоголевского наследия Анненков напрямую связывал происхождение натуральной школы:

«К этому же времени относится и появление в русской изящной литературе так называемой “натуральной школы”, которая созрела под влиянием Гоголя, *объясняемого тем способом, каким объяснял его Белинский* (курсив мой. — И. В.). Можно сказать, что настоящим отцом ее был — последний» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 512].

О своем «способе» объяснения Гоголя Белинский в статье, посвященной «Выбранным местам из переписки с друзьями» (1847), сообщал:

«Когда мы хвалили сочинения Гоголя, то не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях...» [Белинский. Выбранные места...: 76].

Ф. М. Достоевский, вспоминая о критике, также свидетельствовал:

«Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н<a>прим<ер>, о “Мертв<ых> душах”). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь *обличил*» (Письмо к Н. Н. Страхову от 30 мая (н. ст.) 1871 г. [Достоевский: т. 29, 215]).

Совершенно беспрецедентным выглядит в этой истории то обстоятельство, что, несмотря на откровенное признание

самим критиком (в письмах к Кавелину) «целой бездны» между Гоголем и новым направлением, главным орудием Белинского для пропаганды своих взглядов стали именно толкования гоголевских произведений. О том, как радикальная «традиция», предводительствуемая Белинским, обошлась с Гоголем в трактовке, а затем и в «продолжении» его творчества, как нельзя лучше высказался еще один из ее представителей — другой друг Белинского В. П. Боткин:

«...русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его, как скорлупку выеденного яйца» (Письмо к П. В. Анненкову от 28 февраля 1847 г. [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 294]).

Вызревание противостояния западников с Гоголем началось еще при жизни писателя — и первые шаги к этому были сделаны тем же Белинским уже в 1835 г., в самой ранней его статье о Гоголе, написанной по поводу выхода в свет «Миргорода» и «Арабесок» [Виноградов, 2000: 347–363]. Противостояние не было чем-то внешним, искусственно спровоцированным Белинским, но вытекало из объективного противоречия. Сказывалась очевидная разность в мировоззрении писателя и критика. Серьезные трудности это создавало прежде всего для самого Белинского, так как расхождение во взглядах изначально ограничивало возможности его анализа гоголевских произведений. Критик не раз обещал написать «разбор всех сочинений Гоголя от “Вечеров на хуторе” до “Мертвых душ”» [Белинский. Объяснение на объяснение...: 428] («статью вообще о сочинениях Гоголя и о “Мертвых душах” в особенности» [Белинский. Похождения...: 51]), но так и не смог выполнить задуманного. Одну статью о «Ревизоре», мало чем примечательную, он писал *более трех лет*¹.

Пытаясь преодолеть затруднения, Белинский с самой первой статьи о Гоголе прибегнул к теории о бессознательности художественного творчества, к определению Гоголя как художника, творящего в состоянии «поэтического сомнамбулизма» (см.: [Белинский. О русской повести...: 286]). Взятая на вооружение теория носила в этом случае вполне утилитарный характер. На практике она означала возможность произвольного истолкования гоголевских художественных образов,

так как провозглашала противоречие между «гениальной» художественной интуицией писателя и его — будто бы неглухим — мировоззрением. Разъяснить всем, в том числе самому автору, «настоящий» смысл произведения и призван был, по этой теории, более пронизательный, сравнительно с «бессознательным» творцом, критик.

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что само по себе представление о неперменной «бессознательности» подлинного художественного творчества критики не выдерживает. Даже пророк, являющийся послушным орудием Бога, не есть, согласно святоотеческим представлениям, некая лишенная сознания «труба», только озвучивающая Высшую волю. Известный толкователь Псалтири ученый монах Евфимий Зигабэн (XII в.) писал: «...пророки не были подобны волхвам, которые, хотя говорят много, но не понимают, что говорят... <...> Господь не ослепляет ума, Им Самим устроенного, но просвещает его...» [Евфимий Зигабен: т. 1, 271]. В ветхозаветном Израиле существовали даже школы пророков, воспитанники которых проходили обучение, готовились к будущему служению. Сам Гоголь, которому было присуще понимание своего писательского призвания именно как высокого «пророческого» служения², настаивал на глубоко осмысленном, «сознательном» характере своего творчества. В частности, главный герой «Развязки Ревизора» говорит об авторе комедии: «Дайте же ему хоть каплю ума, в котором вы не отказываете ни одному человеку» (III–IV, 490).

В открытую, окончательную, фазу конфликт между Белинским и Гоголем вступил в 1847 г. с появлением известного зальцбруннского письма критика к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». Белинский, будучи в отношении итоговой книги Гоголя толкователем столь же неискусным, как и в прежних разборах его художественных созданий, провозгласил в этом письме отказ писателя от своего прежнего творчества:

«...я любил вас <...>, одного из великих вождей <...> на пути сознания, развития, прогресса. <...> вы, автор “Ревизора” и “Мертвых душ”, <...> пропели гимн гнусному русскому духовенству <...>».

Не буду распространяться о вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. <...> гимны властям предержащим хорошо устраивают земное положение набожного автора» (XIV, 367, 370–372).

На деле выступление Белинского констатировало вовсе не «отказ» Гоголя от прежнего направления (мировоззрение, политические взгляды писателя и само содержание гоголевского творчества обладают ярко выраженной цельностью и единством). Письмо Белинского означало не что иное, как окончательный разрыв с Гоголем самой школы «натуралистов». Заимствуя «приемы» Гоголя, литераторы-западники резко расходились с ним в смысле и понимании целей самого творчества. Белинский как верный выразитель взглядов этой школы задал в своих устных и печатных выступлениях весьма долгую (и сомнительную) «традицию» — принимать все собственно гоголевское, т. е. все, не искаженное радикальными интерпретациями, — в штыки.

По признанию самого Гоголя, его ранние повести представляют собой не что иное, как «бледные отрывки тех явлений», «из которых долженствовала» создаться в его законченной поэме «полная картина» (это признание Гоголь сделал в письме к М. П. Погодину почти в самом начале работы над «Мертвыми душами», в 1836 г. — XI, 86). Согласно этому свидетельству, все творчество Гоголя — это «неделимое» художественное полотно, в котором «ранние» произведения выступают своего рода подготовительными набросками, а «Мертвые души», в их окончательном виде, в трех томах, призваны были обнять все грани гоголевской художественной концепции, охватить все стороны художественного мира писателя. Предваряющей попыткой такого обобщения и явились «Выбранные места из переписки с друзьями», положившие конец «любви» оппозиционных литераторов к Гоголю. Вполне очевидно, что тот, кто, вслед за Белинским, не принимает идей гоголевской «Переписки с друзьями», тот столь же радикально расходится с самим Гоголем в понимании всего его художественного наследия. Такой критик «льстит» себе, заблуждается по поводу Гоголя точно так же, как обманулся (преследуя свои цели)

насчет подлинного содержания гоголевских «ранних» повестей — а затем и «Ревизора», и «Мертвых душ» — Белинский.

Вслед за Белинским, в своих критических и мемуарных публикациях последующие интерпретаторы гоголевского наследия из западнического лагеря — А. И. Герцен («О развитии революционных идей в России», 1851), Н. Г. Чернышевский («Очерки гоголевского периода русской литературы», 1855), П. В. Анненков («Воспоминания о Гоголе», 1857) — активно поддержали идеологизированную теорию критика о «двух Гоголях»: Гоголе как гениальном бессознательном художнике и Гоголе — неглубоком мыслителе. Такая теория на целую эпоху стала удобным «прикрытием» для произвольного истолкования гоголевских художественных произведений. Впоследствии в своих работах о Гоголе ее придерживались Н. А. Добролюбов, А. Н. Пыпин, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Н. А. Котляревский, Н. И. Коробка. Особым образом интерпретация Гоголя Белинским сказалась в статьях А. В. Дружинина, С. С. Дудышкина, а позднее В. В. Розанова и Н. А. Бердяева, в которых за истинное лицо писателя принимался образ, данный ему радикальными интерпретаторами, который ими подвергался критике. Один из первых шагов к пониманию духовных основ единого художественного наследия Гоголя, в частности его критического пафоса, сделал Д. С. Мережковский, не преодолевший, впрочем, в своих работах традиций Белинского в осмыслении положительных взглядов писателя.

Явление это в развитии нашей словесности представляет собой очевидный нонсенс. Ибо довольно многочисленная плеяда, целая гроздь критиков и литераторов (а затем и исследователей) выросла на недоразумении, недопонимании — и сознательном искажении наследия Гоголя. Предвзятое мнение Белинского о Гоголе является, по сути, их единственным оправданием, — единственным «гвоздем», на который они «повесили» все свое значение в литературе! («Если все вешать на одном гвозде, так уже следует запастись, по крайней мере, хорошим гвоздем...» — говорил Гоголь [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 465].)

***

Следует иметь в виду, что еще одной из важных причин издания в 1847 г. «Выбранных мест из переписки с друзьями» явилось именно стремление Гоголя сорвать «коросту» произвольных интерпретаций, приставшую к его произведениям усилиями радикальных критиков, — за что писатель и был «наказан» обличительным письмом Белинского. Вскоре после смерти Белинского Гоголь предпринял новую попытку изменить ситуацию, складывающуюся вокруг его наследия. В 1848 г., обеспокоенный судьбой пушкинского «Современника» — отданного незадолго перед тем, в конце 1846 г., П. А. Плетневым в аренду Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву, — Гоголь по своей инициативе организовал в Петербурге встречу с молодыми сотрудниками «обновленного» журнала — И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, А. В. Дружининым, А. И. Кронебергом, Н. А. Некрасовым. На встрече присутствовали также П. В. Анненков, В. П. Боткин, И. И. Панаев. (И. С. Тургенев в то время жил за границей.)

Высказывалось мнение, что в числе приглашенных литераторов был также Ф. М. Достоевский³. Однако последний не был сотрудником «Современника» и к тому времени уже разошелся с «некрасовцами» — был с ними в ссоре. Так что, более вероятно, что Достоевского никто не приглашал.

Судя по дошедшим до нас воспоминаниям участников этой встречи, взаимопонимания между Гоголем и новыми литераторами не возникло. Думается, именно неудавшийся диалог с противоположной стороной подвиг тогда Гоголя к довольно неожиданному шагу. В свое время, за несколько лет перед тем, он уже дважды «выкидывал» подобного рода «штуку». В 1839 г. он начал публичное чтение своего «драматического отрывка» «Тяжба» с икоты героя, так что окружающие, недоумевая, приняли этот артистический прием за неблаговидное поведение самого писателя. Одна из слушательниц вспоминала, как Гоголь «начал икать и говорил: “чорт возьми, как я у вас объелся, напала икота”...» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 140]; «Хозяин и хозяйка дома даже несколько смутились... Им, вероятно, пришло в голову, что обед их не понравился Гоголю, что он расстроил желудок...» [Виноградов.

Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 283]. «Да перестаньте же», — говорят ему. «Что же вы мне мешаете», — отвечает Гоголь» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 140]. «Он начал чтение до такой степени натурально, что ни один из присутствующих не догадался, что слышит сочинение» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 690].

Думается, схожий поступок, связанный с застольем, Гоголь совершил и в 1848 г. в присутствии молодых сотрудников некрасовского «Современника». Устав от неприязни юных либералов, Гоголь вдруг спросил себе... малаги. — Как и следовало ожидать, столь редкого вина у хозяина не оказалось: «Кто же пьет малагу?» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 274]. Вино бросились разыскивать, с трудом отыскали, но Гоголь лишь пригубил рюмку, тут же со всеми простился и уехал.

Вряд ли Гоголь рассчитывал, что «некрасовцам» известно одноименное стихотворение его близкого друга и единомышленника, покойного к тому времени поэта Н. М. Языкова (автора широко известного антизападнического стихотворения «К ненашим», о котором пойдет речь ниже). Однако так или иначе неожиданная просьба Гоголя носила, по-видимому, вполне знаковый характер. В стихотворении Языкова «Малага» это вино как «напиток смиренный и беспенный» противопоставляется «кипучим» винам, которые герой пил в разгульные годы юности, когда — «всё было наобум»⁴.

Но невольно возникает предположение. Не надеялся ли Гоголь, со своей «капризной» просьбой, что со временем она все-таки будет «прочитана» и понята — ведь находился он среди записных сочинителей, для которых желание порассуждать, а может, и позубоскалить по поводу странного поведения знаменитости было вполне предсказуемым. И расчет Гоголя оправдался. Сразу два литератора: присутствовавший на встрече сотрудник «Современника» Панаев, а позднее (вероятно, следуя панаевскому рассказу) Достоевский — не устояли перед соблазном. Панаев в 1855 г. подробно описал и саму встречу, и эпизод с «малагой» [Панаев: 255–256], а Достоевский в 1859 г. в «Отечественных Записках» напечатал повесть «Село Степанчиково и его обитатели», в которой

изобразил «писателя» Фому Опискина, капризно требующего себе «малаги». («И вина-то такого спросил, что никто не пьет!» — замечает по этому поводу возмущенный герой у Достоевского [Достоевский: т. 3, 145].)

Вообще «гоголевский» материал для создания образа Фомы Опискина оказался в романе Достоевского весьма «востребованным». Кроме требования о «малаге», в этом ряду можно указать еще несколько перекличек:

У Гоголя

У Достоевского (Опискин)

«Завещаю не ставить надо мною никакого памятника <...>. Кому <...> я <...> дорог, тот воздвигнет мне памятник <...> в самом себе...» (VI, 10).

«Я думал, что многие сквозь самый смех слышат мою добрую натуру <...>. Но <...> в журналах мне отвечали насмешками» (VI, 231).

«О моя юность! о моя свежесть!» (V, 108).

«Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц...» (герой Гоголя, Городничий) (III–IV, 298).

«...вздор, <...> будто человеку только и возможно воспитать себя, покуда он в школе, <...> только в глупой светской башке могла образоваться такая глупая мысль» (VI, 85).

«...оно <несчастье> послано <...> затем, дабы он изменил прежнее житие свое...» (VI, 25–26).

«О, не ставьте мне монумента! <...> В сердцах своих воздвигните мне монумент...» [Достоевский: т. 3, 146].

«Я чувствовал, <...> что я произведен для этого, — и что же? <...> платили мне <...> злобой, неблагодарностью, насмешками...» [Достоевский: т. 3, 148].

«Где, где она, моя невинность?» [Достоевский: т. 3, 145].

«...кто кругом меня? Это буйволы и быки, устремившие на меня рога свои» [Достоевский: т. 3, 146].

«...я <...> вообще, знаете, не нахожу нужным смягчать свои выражения <...>. Только в глупой светской башке могла зародиться потребность таких бессмысленных приличий» [Достоевский: т. 3, 66].

«...несчастье есть, может быть, мать добродетели. Это сказал, кажется, Гоголь, писатель легкомысленный, но у которого бываю иногда зернистые мысли» [Достоевский: т. 3, 153].

В сохранившихся и опубликованных в 1855 г. главах второго тома «Мертвых душ» один из героев замечает о помещике Костанжогло:

«...лес у него, кроме того, что для леса, нужен затем, чтобы в таком-то месте влаги прибавить полям <...>. Когда вокруг засуха, у него нет засухи...»⁵.

Напомним реплику Опискина:

«...другой совет мой. Сохраните леса: ибо леса сохраняют влажность на поверхности земли...» [Достоевский: т. 3, 138].

Хотя подобную практическую пользу от леса извлекает у Гоголя герой поэмы, однако Достоевский мог с полным основанием приписать эти взгляды самому писателю. Анненков, встречавшийся с Гоголем в Москве в ноябре 1851 г., вспоминал:

«Он взял с меня честное слово беречь рощи и леса в деревне...» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 529].

Возможно, нечто подобное Гоголь говорил и при встрече с петербургскими литераторами в 1848 г. Заботу о сбережении леса он высказывал тогда неоднократно, эта мысль была одним из прочных убеждений «позднего» Гоголя. Можно привести по крайней мере еще *пять* свидетельств на этот счет (в дальнейшем идея защиты леса стала одной из общих идей русской публицистики). В незавершенной статье «Рассмотрение хода просвещения России» (в записной книжке 1846–1850 гг.) Гоголь замечал:

«...никогда в России не было вырублено столько леса <...>. Высохнувшие реки перестали разливаться и <стали> меньше орошать поля» (IX, 714).

По свидетельству А. О. Смирновой, «Гоголь вздыхал и говорил: “Леса рубят без толку, реки мелеют, а климат все суровее”» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 281]. В отдельной заметке (начинающейся со строк: «Почему нужно хозяйство?») он писал: «...в России <...> вырубил множество лесов. От этого обмелели реки и меньше стали давать нужной влаги» (VI, 408)⁶.

Думается, из встречи Гоголя в Петербурге с сотрудниками «Современника» (о которой Достоевский, видимо, был основательно информирован) появилась в устах «литератора» Опискина и самая сокровенная, заветная гоголевская мысль, понижающая все его творчество:

«...даже в последнем из созданий <...> я привык различать образ и подобие Божие...» [Достоевский: т. 3, 155].

Опискин «настаивает» на этом не раз:

«К вам теперь обращаюсь, домашние <...> человек — образ Божий...» [Достоевский: т. 3, 137–138].

Кроме того, Достоевский повторяет эту мысль в «Селе Степанчикове...» еще дважды, то «доверяя» ее старому слуге Гавриле: «...всяк человек образ Божий на себе носит, образ Его и подобие» [Достоевский: т. 3, 75], то самому рассказчику (в последнем случае, впрочем, гоголевское убеждение приписано самой натуральной школе):

«...я с жаром начал говорить о том, что в самом падшем создании могут еще сохраниться высочайшие человеческие чувства; что неисследима глубина души человеческой; что нельзя презирать падших, а, напротив, должно отыскивать и восстанавливать; <...> словом, я воспламенился и рассказал даже о натуральной школе...» [Достоевский: т. 3, 160–161].

Ко всему сказанному, брат Достоевского, Михаил Михайлович, 21 октября 1859 г. сообщал самому писателю мнение о «Селе Степанчикове...» А. А. Краевского:

«Фома <...> напомнил ему Н. В. Гоголя в грустную эпоху его жизни» (Письма М. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому [Долгинин: 525]).

Трудно сказать, чем руководствовался Достоевский, наделая своего персонажа чертами Гоголя. Следует, впрочем, со всей определенностью подчеркнуть, что речь в данном случае идет лишь об отдельных гоголевских чертах и высказываниях, ничуть не более; смысл и содержание образа Фомы Опискина принципиально иные. Сам по себе пародийный свод Достоевского в романе намного шире, чем некоторые

выражения Гоголя⁷. Делать из нескольких, хотя и значимых переключек, далеко идущие выводы — очевидная натяжка. Для решения своей задачи художник использует подчас самый неожиданный материал.

И все-таки начинал Достоевский свою писательскую карьеру в кругу западников, в тесном общении с Белинским. Именно за чтение зальцбруннского письма критика к Гоголю он был приговорен в 1849 г. к смертной казни, замененной ссылкой. Возможно, и после ссылки Достоевский внутренне еще не примирился с «консерватором» Гоголем — невольным «виновником» его сурового наказания (не будь «Выбранных мест из переписки с друзьями» — не было бы зальцбруннского письма, не было бы и расправы). Словно в отместку своему первому литературному учителю (влияние которого чрезвычайно ощутимо и в «Бедных людях», и в «Двойнике», и в других произведениях Достоевского), писатель при создании образа Фомы Опискина возвращается к тем первоначальным впечатлениям от личности Гоголя, которые он получил в юности. Вообще говоря, несмотря на новый период в жизни писателя, в «Селе Степанчикове...» остается еще много от «молодого» Достоевского, каким он был до ссылки:

«...Фома Фомич <...> достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияния различных иван-яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями...» [Достоевский: т. 3, 8].

Столь неприязненно Достоевский отозвался в «Селе Степанчикове...» о почитаемом московском юродивом, блаженном Иване Яковлевиче Корейше⁸. (К сожалению, негативное мнение об этом святом Достоевский отразил позднее и в «Бесах»⁹.)

Хотя Достоевский никогда не принадлежал к западнической партии и всегда восхищался гоголевскими произведениями (что, впрочем, не исключало острой, порой пристрастной полемики со своим предшественником, начиная с «Бедных людей»), однако отношение молодого Достоевского к Гоголю все-таки не всегда было самостоятельным и порой формировалось под влиянием западников. 5 сентября 1846 г. он писал брату Михаилу:

«Я тебе ничего не говорю о Гоголе, но вот тебе факт. <...> в следующем месяце будет напечатана статья Гоголя — его духовное завещание, в которой он отрекается от всех своих сочинений и признает их бесполезными и даже более. Говорит, что не возьмется во всю жизнь за перо, ибо дело его молиться. Соглашается со всеми отзывами своих противников. Приказывает напечатать свой портрет в огромнейшем количестве экземпляров и выручку за него определить на вспомоществование путешествующим в Иерусалим и проч. Вот. — Заклучай сам» [Достоевский: т. 28₁, 125].

Известно, что Белинским и его сторонниками, еще до выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями», в Петербурге была организована целая кампания по дискредитации гоголевской книги.

Отчетливое стремление писателей натуральной школы, заняв у Гоголя отдельные художественные приемы, как можно далее от него «оттолкнуться», было замечено современниками при самом ее возникновении. 5 февраля 1846 г. П. А. Плетнев писал В. А. Жуковскому:

«Верно, вам придет Соллогуб Петербургский Сборник. Там есть Достоевского роман: Бедные люди. От него наши Некрасовцы (печатающиеся в альманахе какого-то Некрасова) без ума, и говорят, что теперь смерть и Гоголю и всем» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 1, 674].

Достоевский в том же году и впрямь решил, что Гоголь скончался. В октябре 1846 г. он писал брату:

«Желаю вам всем счастья, друзья мои. Гоголь умер во Флоренции 2 месяца назад» [Достоевский: т. 28₁, 133].

«Известие о смерти» Гоголя явилось, вероятно, оттого, что кто-то из тогдашнего западного окружения Достоевского сказал неосторожную фразу о том, что Гоголь, задумав издать «Выбранные места из переписки с друзьями», «умер» как писатель. Предположительно, эти слова были восприняты буквально как известие о кончине художника.

Вряд ли можно предъявлять серьезные претензии к начинающему писателю Достоевскому по поводу его тогдашнего отношения к Гоголю. В то время, после издания «Выбранных

мест из переписки с друзьями», не только петербургские западники, но даже московские знакомые и близкие друзья Гоголя: Н. Ф. Павлов, Аксаковы(!), М. П. Погодин(!) — стали считать его Тартюфом. Произошло это, впрочем, не без «подсказки» сторонников Белинского, бывших литературных приятелей Достоевского (до 1848 г.).

Первым, кто поверил в эти обвинения Гоголя в «тартюфстве», оказался не кто иной, как К. С. Аксаков (надо сказать, что идейную и духовную близость К. С. Аксакова и Гоголя обычно преувеличивают: даже в 1840-х гг. первый в «оппозиционности» по-прежнему мало уступал своему бывшему московскому другу Белинскому¹⁰). О том, какие досужие слухи о Гоголе рассказал в 1847 г. К. С. Аксакову приехавший из Петербурга В. П. Боткин, сообщала 16 января 1847 г. в письме к И. С. Аксакову, Ольга Семеновна Аксакова (мать Константина и Ивана Аксаковых):

«Одно сильное действие возбудила во мне эта книга («Выбранные места из переписки с друзьями». — *И. В.*): *сильное негодование* <...>, оно же и поддерживается вестями (которые привез Боткин и переданные нам Константином), что *он* <Гоголь> иначе не ходит, как потупя взор, и ему говорят тихо, с подобострастием: “Николай Васильевич, Николай Васильевич, хорошо ли это блюдо?”, а он, кушая, отвечает: “Софья Петровна, думайте о душе вашей”. Эта картина Тартюфа так мне противна, что я не могу ее выносить хладнокровно» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 780].

(При ближайшем рассмотрении выясняется, что Гоголь с чертами будущего Опискина — не более чем произвольный вымысел противников новой книги Гоголя. Столь «живописно» западниками были «переданы» слова графини С. П. Апраксиной в письме годовой давности (от декабря 1845 г.), отправленном из Рима в Москву к К. Н. Щепкиной: Апраксина всего-навсего упоминала в своем письме о том, что «Гоголь бывает у них всякий день» и что «они от него в восхищении» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 780].)

Одновременно с Константином Аксаковым Д. Н. Свербеев в тот же день, 16 января 1847 г., сообщал Аксакову-старшему, Сергею Тимофеевичу:

«...поразил меня отчаянный смельчак, который — видно, сердит он был на Гоголя за Ноздрева — во всеуслышание объявил, что автор писем отныне должен называться не Николаем, а Тартюфом Васильевичем» (XIV, 94).

Возможно, Свербеев имел в виду или уже упомянутого Боткина, или близкого к западникам писателя Николая Филипповича Павлова. Впрочем, мнение «отчаянного смельчака», по-видимому, отчасти разделял и сам Свербеев (см. ниже).

Спустя несколько дней, 22 января 1847 г., жена Свербеева, Екатерина Александровна, писала А. Н. Попову из Москвы:

«Здесь книга Гоголя занимает всех, все кричат, жестоко нападают на него. <...> Николай Филиппович <Павлов> написал критику <...> — прибирает эпиграфы из “Тартюфа”, хлопочет, кричит» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 854].

24 апреля 1847 г. Погодин побывал вместе с Павловым в театре, где они смотрели комедию Мольера «Тартюф». Вернувшись домой, Погодин записал в дневнике: «Страшно, как подходит многое к Гоголю» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 491]. (Погодин имел свои причины быть недовольным гоголевскими «Выбранными местами...»: в одной из ее статей содержалась весьма нелицеприятная оценка Погодина.)

Сам Гоголь 4 марта (н. ст.) 1847 г. писал из Неаполя С. П. Шевыреву:

«Разве и теперь не называют меня даже близкие мне люди лицемером, Тартюфом, двуличным человеком, играющим комедию даже в том, что есть святейшего человеку» (XIV, 141).

По поводу этих слов дочь С. Т. Аксакова Вера 2 апреля 1847 г. замечала:

«...некоторые же упреки, которые он получает, столько оскорбительны, <...> напр<имер>, упреки в Тартюфстве, в двуличности, в обмане» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 862].

Репутация Гоголя, созданная западниками, оказалась весьма устойчивой. Как свидетельствовал младший брат А. О. Смирновой Л. И. Арнольди, даже в конце 1850-х гг. — в период создания «Села Степанчикова...» — «иные», «по какому-то

непонятному для нас упрямству», называли Гоголя «иезуитом Тартюфом» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 377]. Арнольди был близок к Свербееву (с 1854 г. Арнольди был женат на дочери Свербеева, Варваре Дмитриевне). Последний передал Гоголю, через Аксакова, распространившиеся в Москве слухи о «Тартюфе Васильевиче». Вероятно, давнее мнение Свербеева о Гоголе Арнольди и сообщил в 1850-х гг. в своих мемуарах. А сам Свербеев еще в 1847 г., доведя до сведения Гоголя упомянутое мнение «отчаянного смельчака», в конце того же письма добавлял уже от своего имени:

«Мое собственное мнение о книге <...> — просто надувательство...» (XIV, 95).

Слух о появлении в русской литературе нового «Тартюфа», скорее всего, не прошел мимо Достоевского. Как указал М. П. Алексеев, расстановка действующих лиц в «Селе Степанчикове...» и основная схема их взаимоотношений отчетливо напоминают комедию Мольера (см.: [Алексеев: 56–61]). При этом мнение о «Тартюфе»-Гоголе (развитое затем в образе «поэта»-фарисея¹¹ Опискина) Достоевский мог услышать от того же Боткина (или из слухов, распространявшихся, со слов последнего, не только в Москве, но и в Петербурге). Нарисованный боткинской фантазией образ лицемерного писателя-приживала, рассуждающего за столом у генеральши С. П. Апраксиной (вдовы генерала) — при смене «хороших» блюд — о душе, отчетливо узнаваем в характеристике притворно набожного — за обильным обедом — «литератора»-приживала в доме вдовы генерала Крахоткина:

« — Прежде кто вы были? — говорит <...> Фома, развалясь после сытного обеда <...>. Заронил ли я в вас искру небесного огня или нет? <...>

— Я спрашиваю: горит ли в вас эта искра или нет? — <...> повторяет Фома, взяв конфетку из бонбоньерки...» [Достоевский: т. 3, 16–17].

Недобросовестные измышления Боткина были частью кампании 1847 г. сторонников Белинского по очернению книги Гоголя.

Пройдет немало лет, прежде чем Достоевский сам заговорит вполне по-гоголевски — не только похожим «гоголевским»

стилем, в духе своих ранних рассказов, но и существом, сокровенным содержанием «Выбранных мест из переписки с друзьями», создав впоследствии их прямое подобие, в новой жанровой форме, — «Дневник писателя». (При этом в самом первом номере «Дневника...» Достоевский вступит в острый, непримиримый спор со своим давним «совопросником» Белинским.) Пройдут годы, когда еще один из бывших сотрудников «Современника», Гончаров, увидит в гоголевском Тентетникове своего Обломова... (При встрече с Гоголем в 1848 г. Гончаров, по воспоминаниям И. И. Панаева, «обиделся», услышав гоголевский «отзыв об “Обыкновенной истории”». Интересно, что впоследствии, в 1859 г., Гончаров был цензором «Села Степанчикова...», в котором «не вымарал ни одного слова» — а «роман хвалил», впрочем, «с оговорками» (Письма М. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому [Долинин: 531, 532]¹².)

***

Проблема предполагаемого гоголевского «отцовства» по отношению к натуральной школе (мнимость которого, несмотря на внешнее подражание, подмечали не только Зотов и Ростопчина, но хорошо сознавал сам Белинский) требует указать на ее подлинную «родословную» — тесную зависимость от новейшей западной литературы, прежде всего французской. Такой вывод о действительных истоках новой школы современники сделали еще при жизни Гоголя.

А. С. Хомяков в 1846 г., подчеркивая отличие гоголевской критики чиновничества от «нападений на чиновника» в произведениях литераторов-западников, писал:

«Чиновник, — как это весьма хорошо понял один из наших журналов <...>, — есть нечто посредствующее между просвещением и жизнью, впрочем, не принадлежащее ни тому, ни другому». Гоголь — художник, созданный жизнью, имел право понять и воплотить мертвенность этого лица в те неподражаемые образы Дмухановского и других, которые в его повестях или комедиях являются с такою яркою печатью поэтической истины. Но это право несколько не принадлежало его подражателям — литераторам, созданным или воспитанным чужеземною

образованностию. <...> Мертвенность человека — черта разительная и достойная комедии, дает жизни право насмешки и осуждения над ним, но она не дает этого права нашему просвещению, которое само в себе собственной жизни еще не имеет» [Хомяков: 191].

Другими словами, Гоголь как представитель самобытной русской жизни, имел право на обличение чуждого ей явления, тогда как носители «чужеземной образованности» — которая сама по себе служит причиной мертвящей бюрократии — такого права не имеют.

В 1847 г. Ю. Ф. Самарин в статье по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» замечал:

«Гоголь первый дерзнул ввести изображение пошлого в область художества. <...> Нужно было породниться душою с тою жизнью и с теми людьми, от которых отворачиваются с презрением, нужно было почувствовать в себе самом их слабости, пороки и пошлость, чтобы в них же почувствовать присутствие человеческого; и только это одно могло дать право на обличение. <...> Натуральная школа переняла у Гоголя только его односторонность, то есть взяла у него одно содержание. <...>

Направление заимствовано у новейшей Французской литературы — это карикатура и клевета на действительность, понятая как исправительное средство» [Самарин: 193–194].

Князь П. А. Вяземский, также приветствуя гоголевскую «Переписку», в свою очередь подчеркивал принципиальное отличие Гоголя от «французских романистов» — подлинных вдохновителей натуральной школы. Вяземский писал:

«Но чрезмерные, часто ложные похвалы, приторные гимны усердных поклонников не могли не навести уныния на человека с умом светлым и высоким. <...> В некоторых журналах имя Гоголя сделалось альфой и омегой всякого литературного рассуждения. В духовной нищете своей, многие непризванные писатели кормились этим именем, как единым насущным хлебом своим. <...>

Впрочем, что Гоголь попал в руки литературным шарлатанам, это немудрено <...> люди, провозглашающие наобум какое-то учение западных начал, искали в Гоголе союзника и оправдателя себе <...>. Он был для них живописец и обличитель народных

недостатков и недугов общественных. Эти обличения несколько напоминали им болезненное, лихорадочное волнение Французских романистов. <...> Они не понимали Гоголя, но по крайней мере так могли в свою пользу перетолковывать создания его вымыслов» [Вяземский: 418].

По словам Вяземского, выход в свет гоголевской книги и был вызван стремлением писателя публично отвергнуть навязанные интерпретации:

«На авторе лежала обязанность не двусмысленно, не сомнительно, а гласно и, так сказать, торжественно разорвать с частью своего прошедшего; то есть не столько своего собственного прошедшего, сколько того, которое ему придали <...> многочисленные и часто неудачные подражатели» [Вяземский: 418].

Упрек в следовании «новой Французской литературе» — в «занятиях легкими журнальными <статьками и романами>» «пристрастных» «французских ро<манистов>» — адресовал в 1847 г. самому основателю натуральной школы, Белинскому, и Гоголь (XIV, 390). — В таком обращении Гоголя к критику не содержалось ничего, что в той или иной мере не было бы свойственно писателю еще в начале его творческого пути. Тот же Анненков, вспоминая о своем знакомстве с Гоголем осенью 1833 г., сообщал:

«Он не любил уже в то время французской литературы, да не имел большой симпатии и к самому народу за “моду, которую они ввели по Европе”, как он говорил: “быстро создавать и тотчас же, по-детски, разрушать авторитеты”» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 435]¹³.

В 1836 г., в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», Гоголь писал:

«В литературе всей Европы распространился беспокойный, волнующийся вкус. Являлись опрометчивые, бессвязные, младенческие творения, но часто восторженные, пламенные — следствие политических волнений той страны, где рождались» (VII, 476).

В черновых набросках этой же статьи Гоголь упоминал и о Белинском, называя его «вкус» — в соответствии с характеристикой французской литературы — «молодым и опрометчивым» — и лишь обещающим «будущее развитие» [Гоголь, 1952: т. 8, 533].

Строки Гоголя об «опробетчивых» произведениях новейшей литературы, вызванных «политическими волнениями» во Франции, во многом повторяли положения одной из анонимных публикаций «Журнала Министерства Народного Просвещения» (основанного в 1834 г. министром С. С. Уваровым). Имеется в виду напечатанное в первом номере письмо к Уварову «О периодических изданиях во Франции» и, кроме того, более раннее выступление самого Уварова — его официальный циркуляр от 27 июня 1832 г. о необходимости ограничения переводов новейших французских романов, служащих «ко вреду морального чувства и религиозных понятий» читателей [Стасов: 571–572]. Как известно, гоголевское (и уваровское) определение истоков новейшей французской литературы вызвало тогда возражение А. С. Пушкина, вступившего в 1835 г., вследствие возникших цензурных осложнений, в резкий конфликт с министром. Цитируя слова Гоголя в третьем томе «Современника», Пушкин замечал:

«Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, *опробетчивая, бессвязная французская словесность была следствием политических волнений*. <...> Начало сему явлению должно искать в самой литературе. Долгое время покорствовал своенравным уставам, давшим ей слишком стеснительные формы, она ударилась в крайнюю сторону, и забвение всяких правил стала почитать законною свободой» [Пушкин: 70].

Очевидно, однако, что Гоголю более близким было суждение Уварова. Можно указать на то, что в статье «О движении журнальной литературы» Гоголь подверг резкой критике журналистскую деятельность Н. И. Греча и О. И. Сенковского. Он подчеркнул характерное для последнего, как и для Белинского, пристрастие к «французскому» направлению — «неумеренное подражание нынешним писателям французским» (VII, 465). Эта гоголевская оценка либеральных журналистов

в свою очередь отвечала начинаниям нового министра. Так, А. В. Никитенко 8 августа 1835 г. записал в дневнике следующие слова Уварова:

«Я знаю, что хотят наши либералы, наши журналисты и их клеветы: Греч, Полевой, Сенковский и проч. <...> Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно» [Никитенко: 174]¹⁴.

Неизменность гоголевских литературно-политических взглядов на всем протяжении творческого пути свидетельствует, что, как справедливо указывал Вяземский, Гоголь в действительности испытывал насущную потребность, почти «обязанность», отмежеваться от тех мнимых своих «последователей» в русской словесности, взглядов которых он никогда не разделял, — разорвать со своими «неудачными подражателями» западниками, воспитанными на французской литературе. Ф. Ф. Вигель в 1847 г. прямо приравнивал «Выбранные места из переписки с друзьями» к упомянутому антизападническому стихотворению Языкова «К ненашим» (1844) (стихотворение Языкова было адресовано Т. Н. Грановскому, А. И. Герцену и, предположительно, П. Я. Чаадаеву). Обращаясь к Гоголю, Вигель писал:

«Они <западники> гордились вами, они уже почитали вас *своим*; как вдруг вам вздумалось швырнуть в них небольшим, но для них не менее тяжелым томом, на котором как будто написано: *Ненашим*» (XIV, 240).

По наблюдению В. А. Кошелева, слово «ненаш» для читателя XIX в. предполагало дополнительный смысл, зафиксированный в волжских говорах и присутствующий в словаре Даля:

«Ненаш — *нечистый, недруг, лукавый, бес*»: «И в ходу была поговорка: “А *ненаш* его знает...” Следовательно, уже по названию это стихотворение прямо соотносилось с другим названием — “Бесы”» [Кошелев: 332].

Стихотворение Языкова «К ненашим» было оценено Гоголем чрезвычайно высоко. Он писал поэту:

«Сам Бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи “К не нашим”. <...> Они <...> сильнее всего, что у нас было писано доселе на Руси» (XIII, 29).

Ответ Языкова «бесам» русской литературы был продолжен самим Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Но даже и без этих аналогий очевидно, что итоговая гоголевская книга — это некое преддверие «Бесов» Достоевского, антинигилистических романов А. Ф. Писемского и Н. С. Лескова, разоблачительных образов нигилистов у И. А. Гончарова и графа А. К. Толстого¹⁵ — когда все эти писатели обратились к подлинно гоголевским духовным традициям.

Однако это «контрнаступление» талантливых отечественных литераторов было еще впереди. А пока в русском обществе все настойчивее заявляли о себе «традиции» натуральной школы. Г. П. Данилевский, вспоминая в 1886 г. о поре конца 1840-х — начала 1850-х гг., свидетельствовал:

«Белинский в ту пору был нашим Кумиром, а он первый бросил камнем в Гоголя за его “Переписку с друзьями”. По рукам в Петербурге ходило в списках его неизданное письмо к Гоголю, где знаменитый критик горячо и беспощадно бичевал автора “Мертвых душ”, укоряя его в измене долгу писателя и гражданина.

Хотя обвинения Белинского для меня смягчались в кружке тогдашнего ректора Петербургского университета П. А. Плетнева, друга Пушкина и Жуковского, отзывами иного рода, тем не менее я и мои товарищи-студенты, навещавшие Плетнева, не могли вполне отрешиться от страстной и подкупающей своим красноречием критики Белинского. Плетнев, защищая Гоголя, делал что мог. Он читал нам, студентам, письма о Гоголе живших в то время в чужих краях Жуковского и князя Вяземского, объяснял эти письма и советовал нам, не поддаваясь нападкам врагов Гоголя, самостоятельно решить вопрос, прав ли был Гоголь, издавая то, о чем он счел долгом открыто высказаться перед родиной? — “Его зовут фарисеем и ренегатом, — говорил нам Плетнев, — клятнут его, как некоего служителя мрака и лжи, оглашают его, наконец, чуть не сумасшедшим... И за что же? За то, что, одаренный гением творчества, родной писатель-сатирик дерзнул глубже взглянуть в собственную свою душу, проверить свои сокровенные помыслы и самостоятельно, никого не спросясь, открыто о том поведать другим... Как смел он, создатель Чичикова, Хлестакова, Сквозника и Манилова, пойти не по общей, а по иной дороге, заговорить о духовных вопросах, о Церкви, о вере? В сумасшедший дом его! Он — помешанный!” — Так говорил нам Плетнев» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 1, 300].

В январе 1855 г. И. С. Тургенев в беседе с Константином Аксаковым признавался, что Белинский и его зальцбруннское письмо к Гоголю — «это вся его религия» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 896]. Ранее, осенью 1851 г., тот же Тургенев в разговоре с будущим «консерватором» К. Н. Леонтьевым (в ту пору студентом Московского университета) столь же похвально отзывался о суждениях Герцена по поводу наследия Гоголя. Много лет спустя (в 1888 г.) Леонтьев — во многом повторивший путь Достоевского из чуждого окружения западников к открытому религиозно-патриотическому служению — вспоминал:

«Тургенев повторил <...> одобрительно мнение Герцена о том, что “Гоголь бессознательный революционер”, потому что он изображает русскую жизнь с самой пошлой, возмутительной точки зрения... Одобрял <...> он Герцена <...> в том смысле, что Герцен верно понял *тот род влияния*, который <...> могут иметь сочинения Гоголя, независимо от собственной воли автора и неожиданно для его сознания» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 834].

В 1890 г. эта мысль была положена Леонтьевым в основу его критической оценки Гоголя в статье «О романах гр. Л. Н. Толстого» [Леонтьев, 1890: 232–269]:

«Практика <...> художественная <...> подпала под <...> влияние Гоголя <...>, под влияние его <...> ядовитых, мрачных односторонне-сатирических произведений... <...> из духа <...> петербургских повестей Гоголя вышел и развился <...> болезненный и односторонний талант Достоевского <...> почти весь Салтыков вышел из “Ревизора” и “Мертвых душ”» (цит. по: [Леонтьев, 1911: 91–92]).

По поводу этой оценки — и вообще о своей «несколько дерзкой манере говорить о Гоголе» [Фетисенко: 489] — Леонтьев желал знать мнение Т. И. Филиппова, известного православного мыслителя, историка и публициста. Филиппов, откликаясь на просьбу Леонтьева, 22 февраля 1888 г. писал ему (косвенным образом ответ Филиппова стал запоздалым выражением уже покойному к тому времени Тургеневу):

«Гоголь Вами не понят. <...> он был последний идеалист, с возвышенным и строгим, в последние годы даже священным, настроением. <...> Это наша вина, что мы в родню ему приписали Белинского и его выводов. В этом и объяснение загадочному для многих сожжению “Мертвых Душ”. Когда он увидел, в какой союз он попал без своей вины, то он осудил свою деятельность и разорвал все связи с своими эпигонами» [Фетисенко: 492].

Год от года последователи натуральной школы продолжали выстраивать «аргументы» в пользу своего «понимания» гоголевского наследия. Игнорируя открыто и недвусмысленно выраженное самим Гоголем противостояние западникам, Чернышевский в 1855–1856 гг. создал цикл статей, назвав их «Очерками *гоголевского* периода русской литературы» — где, вопреки заглавию, рассуждал не о Гоголе, а лишь о Белинском и его «школе», т. е. о единственно верном, по мнению Чернышевского, взгляде критика на общество и гоголевское творчество. (На очевидное несоответствие названия очерков Чернышевского их содержанию указывали впоследствии как дореволюционные критики — А. М. Скабичевский, С. А. Венгеров, так и советские исследователи — В. В. Буш, Г. О. Берлинер¹⁶.)

В 1857 и 1869 гг. появляются мемуары о Гоголе Анненкова и Тургенева, главная задача которых состояла в том, чтобы на основании воспоминаний «документально» доказать правоту Белинского в истолковании Гоголя. — В свою очередь, на то, что Анненков и Тургенев не вполне достоверны в своих свидетельствах о писателе, указывали даже представители советского литературоведения. Это кое-где отмечали в своих работах о Гоголе В. В. Гиппиус¹⁷ и И. Я. Айзеншток [Айзеншток: 25–26, 30–31]¹⁸. Однако идеологические причины в марксистском литературоведении возобладали — так что получилось вполне по-гоголевски: очень хорошо знали, что Ноздрев лгун, но прибегнули именно к нему.

Особая «заслуга» в антигоголевской кампании, развернутой Белинским и его последователями, принадлежит Тургеневу. Показательна судьба его известной статьи о смерти Гоголя 1852 г., за публикацию которой он был посажен на месяц под арест. Только в изложении самого Тургенева в этой истории был какой-то политический подтекст. На самом деле он

был наказан не собственно за статью (содержание которой не давало никакого повода к таким суровым мерам), но за элементарное неподчинение цензурному запрету. Когда 25 февраля 1852 г. его статья была запрещена к публикации в «Санкт-Петербургских Ведомостях», Тургенев, игнорируя запрет, самовольно отправил ее для публикации в «Московские Ведомости», а ничего не подозревавший редактор газеты М. Н. Катков вскоре, 13 марта 1852 г., ее и напечатал. Как отметил в дневниковой записи от 20 апреля 1852 г. А. В. Никитенко, «в повелении полиции арестовать Тургенева выставлена причиною не статья, а обстоятельства, в каких она напечатана» [Никитенко: 351].

Много лет спустя, в 1869 г., Тургенев, рассказывая об этой истории, намеренно искажил факты. В своих мемуарах он заявлял, что будто бы в запрете его статьи в Петербурге сыграло роль некое начальственное повеление «вообще имя Гоголя» в печати «не упоминать» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 829]. В действительности дело обстояло несколько иначе. Сам Тургенев 3 марта 1852 г. извещал И. С. Аксакова:

«...попечитель здешнего университета г<раф> Мусин-Пушкин (М. Н. Мусин-Пушкин — попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, председатель цензурного комитета. — И. В.) не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским. Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для “С.-Петербургских ведомостей” о смерти Гоголя...» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 823].

Никитенко 20 апреля 1852 г. записал в дневнике со слов Тургенева:

«...председатель цензурного комитета объявил, что не будет пропускать статей в похвалу Гоголя, “лакейского писателя”. Он запретил и представленную ему редактором “С.-Петербургских ведомостей” статью <...>. Тургенев, увидя в этом просто прихоть председателя, отправил свою статью в Москву, где она и явилась в печати» [Никитенко: 351].

В те же дни, точнее, 8 марта 1852 г., Плетнев, возможно имея в виду тургеневскую статью, сообщал Я. К. Гроту:

«Теперь всех занимает одно: это — горестное известие о кончине Гоголя. Московские газеты несравненно счастливее петербургских. Там выражения горести не подвергаются

преследованию цензуры. У нас же Мусин решительно почти ничего не пропускает, где говорится с некоторым чувством об этой утрате» [Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: 575].

Тем не менее приведенные свидетельства Тургенева и Плетнева справедливы лишь в малой степени. Хотя московские газеты и журналы в освещении последних дней Гоголя были, по понятным причинам, действительно «счастливее» петербургских, однако сразу несколько заметок и статей о смерти Гоголя появились тогда и в петербургской периодике. Два кратких извещения о кончине писателя — 21 февраля 1852 г. — были напечатаны уже в 24 и 25 числах в «Санкт-Петербургских Ведомостях»¹⁹ и «Северной Пчеле»²⁰. В начале марта 1852 г. в третьем номере петербургского «Современника» (цензурное разрешение журнала — 29 февраля) появилось знаменитое стихотворение на смерть Гоголя «Блажен незлобивый поэт...» Н. А. Некрасова (с подписью: «25 февраля, 1852 года»)²¹. В те же дни в третьем номере «Отечественных Записок» (цензурное разрешение — 1 марта 1852 г.) был напечатан анонимный некролог «Николай Васильевич Гоголь» (возможно, принадлежащий перу Плетнева) [Плетнев: 131–132]. 4 марта в тех же «Санкт-Петербургских Ведомостях», куда за несколько дней перед тем Тургенев отдавал свою статью, была помещена обширная публикация анонимного московского корреспондента о последних днях жизни Гоголя [Корреспондент: 210–211] — статья весьма насыщенная, в отличие от многословной и малосодержательной тургеневской заметки. В начале апреля 1852 г. опять-таки в «Отечественных Записках», т. е. там же, в Петербурге, появилась первая биографическая статья о Гоголе П. А. Кулиша [Кулиш: 189–201].

Очевидно, в запрете статьи Тургенева сыграло роль вовсе не мнимое распоряжение Мусина-Пушкина «вообще» не упоминать имя Гоголя в печати, а сомнительная литературная репутация самого Тургенева, явные недостатки его некрологической заметки — кроме малосодержательности, в ней явно сквозит стремление автора в связи с кончиной Гоголя заявить о самом себе. Другую статью о Гоголе Тургенев, резко расходящийся с покойным писателем во взглядах, вряд ли способен был написать.

Очевидно, что в этом отношении Тургенев лишь «повторял» Белинского, который, как замечено, не раз намеревался

написать обширную работу о «всех сочинениях» Гоголя, но так и не смог этого сделать. Позднее Ю. Н. Говоруха-Отрок указывал:

«Со времен Белинского мы только и пришли к тому, что отделяемся от Гоголя ходячими фразами... <...> Наше западничество никогда не могло понять Гоголя...» [Говоруха-Отрок: 761].

Принципиальное отличие своих взглядов от гоголевских Тургенев не скрывал:

«...Между мирозерцанием Гоголя и моим — лежала целая бездна. Не одно и то же мы ненавидели, не одно любили...» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 825].

Но одновременно Тургенев хорошо сознавал, что кончина Гоголя может послужить хорошим поводом для писательской «саморекомендации». И о том, и о другом — и об удобном случае заявить о себе, и о затруднительности для себя сказать что-либо существенное о Гоголе — сам Тургенев писал Е. М. Фоктистову 26 февраля 1852 г., посылая приятелю в Москву свою, запрещенную Мусиным-Пушкиным заметку:

«Вы мне пишете о статье, которую я должен написать в “Современник”, — не знаю, удастся ли мне... В этом случае нельзя сесть и писать не обдумавши, — надо попасть в тон, а уже думать о необходимости попасть в тон, когда говоришь о смерти Гоголя, тяжело и жестоко. <...>

Воображаю себе, сколько дрянных самолюбий станут вбиваться в его могилу, и примутся кричать петухами, и вытягивать свои головки — посмотрите, дескать, на нас, люди честные, как мы отлично горюем и как мы умны и чувствительны...» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 822].

Себя к людям, спекулирующим на смерти Гоголя, Тургенев, конечно, не относил:

«...написал я несколько слов <...> для “С.-Петербургских ведомостей”, которые посылаю вам при сем письме <...>. Я не знаю, как они вышли, но я плакал навзрыд, когда писал их» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 822].

Однако мысль о «дрянном самолюбии», по-видимому, все-таки тревожила Тургенева. Отсюда — взвинченные до экзальтации заключительные строки его письма к Феофтистову:

«Кажется, нечего и говорить, что под статьей о Гоголе не будет выставлено моего имени. Это было бы бесстыдством и почти святотатством» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 822].

(Статья была озаглавлена «Письмо из Петербурга» и подписана: «Т . . . . . в». Не узнать Тургенева по этим очевидным подсказкам было невозможно.)

Одним из тех, кто принимал в 1852 г. активное участие в судьбе Тургенева — и даже помог ему вскоре освободиться от наказания — стала давняя приятельница Гоголя (а также Пушкина, Жуковского и многих других литераторов), настоящий духовный друг писателя, Александра Осиповна Смирнова, многие годы являвшаяся собеседником и корреспондентом Гоголя по религиозно-нравственным вопросам. (Последняя не без оснований называла некрологическую заметку Тургенева о Гоголе «самой нелепой статейкой» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 271].) В те весенние месяцы 1852 г. Смирнова поделилась с Тургеньевым воспоминаниями о пребывании Гоголя летом 1851 г. в ее подмосковном имении Спасское. В «благодарность» за эти воспоминания, а также за оказанную помощь в освобождении Тургеньев уже в мае 1852 г. оклеветал Смирнову, заявив в разговоре с Ф. И. Буслевым, что она «полагала своей целью убивать» в Гоголе «художника». Пересказывая слова Тургенева, Буслев 24 мая 1852 г. записал в своем дневнике:

«Некая Смирнова, у которой Гоголь последние годы своей жизни жил, полагала своей целью убивать в нем художника. Происками ее и других он сжигал свои сочинения <...>. Эта почтенная дама, из легкой по поведению ставшая, как водится, ханжой в летах зрелых, — как нянька, взялась за Гоголя, чтоб поддерживать в нем Христианина против лукавых впадений художника. Она запрещала ему наслаждаться даже природою. Так однажды летом у нее в деревне он читал Четьи-Минеи — и задумался, да и засмотрелся и увлекся окрестностями. Тогда эта дама поймала его, как ленивого школьника, на праздной

рассеянности — ему стало стыдно — и он принялся за чтение» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 17].

Воспоминания о пребывании Гоголя в Спасском летом 1851 г., записанные, со слов той же Смирновой, в 1854 г. П. А. Кулишом [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 223–224] и — еще раз — в 1873 г. А. Н. Пыпиным [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 247], вполне опровергают и эту клевету Тургенева. Как рассказывала Смирнова Кулишу, однажды она «нашла» Гоголя в гостинной «в необыкновенном состоянии»:

«Он держал в руке Чети-Минеи и смотрел сквозь отворенное окно в поле. Глаза его были какие-то восторженные, лицо оживлено чувством высокого удовольствия: он как будто видел перед собой что-то восхитительное. Когда А<лександра> О<сиповна> заговорила с ним, он как будто изумился, что слышит ее голос, и с каким-то смущением отвечал ей, что читает житие такого-то святого» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 224].

Из записи Пыпина следует, что описанный случай относится к 1 июля 1851 г. — дню памяти святых бесребреников Космы и Дамиана, и что смотревший в окно Гоголь был настолько глубоко погружен в свои размышления, что «как будто» даже «испугался», когда увидел перед собой Смирнову. «...Молился он что ли — в экстазе», — сообщала та Пыпину [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 247]. — Только очень предвзятым и недоброжелательным умом из этого рассказа можно сделать нелепый вывод о том, будто Смирнова убивала в Гоголе художника и запрещала ему «наслаждаться <...> природою».

В «свидетельствах» Тургенева о взаимоотношениях Гоголя и Смирновой, которая, по словам мемуариста, «из легкой по поведению» стала к 1840-м гг. «как водится, ханжою», не обошлось и без намеков не весьма приличных — легко извлекаемых Тургеневым — вполне по-ноздревски — даже из писем духовного содержания. Тот же Буслаев записал в дневнике:

«Тургенев <...> читал рукописные письма Гоголя к этой даме, и тяжелое чувство оставили они в его душе: постоянно имя Бога, постоянно набожность <...>. “Еще, — прибавил Тургенев, — во

всех письмах Гоголя слышится какое-то смутное чувство — какое-то затаенное признание — как бы сказать — того — что он во всю жизнь свою не имел плотского сочетания с женщиною» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 17].

Очевидно, что именно с этим чтением Тургеневым *нескольких* «рукописных писем Гоголя» к Смирновой (а отнюдь не с чтением письма «Что такое губернаторша» в «Выбранных местах из переписки с друзьями», как это обычно принято думать²²) связан известный сатирический выпад героя Тургенева Базарова в адрес Гоголя в «Отцах и детях» (1862):

«С тех пор, как я здесь, я препакостно себя чувствую, точно я начитался писем Гоголя к калужской губернаторше»²³.

Высказывание, таким образом, отнюдь нельзя приписать исключительно литературному персонажу. Сорокатрехлетний Тургенев оказался в этом случае вполне единодушен со своим молодым героем-нигилистом.

Подобно Тургеневу, почти в тех же выражениях характеризовал Смирнову — а также чету других духовно родственных Гоголю людей, супругов А. П. и А. Г. Толстых — Анненков в письме к М. М. Стасюлевичу 1876 г.:

«Г-жа Смирнова, калужская губернаторша, рожденная Розетти, к которой Пушкин стихиками относился. Это . . .²⁴ и злая светская бабенка, сделавшаяся ко времени Гоголя одной из матерей Восточной Церкви и проповедницей аристократизма, долженствующего спасти нас от наплыва каналы в литературе, управлении и в свете <...>.

...граф Толстой, впоследствии Обер-Прокурор Синода, святоша и в доме которого в Москве и умер Гоголь. . . .²⁵ <Жена> его, говорят, страдала страстию к Архимандриту Троицкой Лавры и потому заживо сделалась преподобной наставницей и молитвенницей о душах наших» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 538].

Упомянутый Анненковым «Архимандрит Троицкой Лавры» — сводный брат графини А. Г. Толстой (рожд. княгини Грузинской) преподобный Антоний (Медведев, 1792–1877; канонизирован в 1998 г.), архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, побочный сын князя Г. А. Грузинского, внук

грузинского царевича Александра Бакаровича. Преподобный Антоний был учеником преподобного Серафима Саровского и стал наместником Лавры согласно предсказанию старца²⁶. Сам Серафим Саровский завещал похоронить себя с тем образом преподобного Сергия Радонежского, который прислал ему из Лавры его ученик отец Антоний [Серафим (Чичагов): 472]. Смирнова, посетив обитель в 1847 г., сообщала Гоголю, что наместник Антоний «очень многим доволен» в гоголевской книге «Выбранные места из переписки с друзьями», «радуется духу» Гоголя и желает ему «не бояться говорить громко в этом мире» о христианских истинах (XIII, 399). В 1849 г., во время посещения Лавры самим Гоголем, о. Антоний благословил его образом [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 871].

Первый биограф Гоголя Кулиш, вслед за Тургеневым и Анненковым, писал в 1886 г. Н. А. Белозерской о той же графине Толстой:

«Надобно желать, чтобы приживалки поскорее спровадили в могилу просфорами достойную княгиню, как она, соборне с другими бабами и олухами о Христе Иисусе, спровадила несчастного Гоголя. Тогда очистится в ее доме воздух от идоложертвенного кадила, и очи праведного подвижника Шенрока узрят мою копию автобиографии матери Гоголя» [Зайцев: 118].

Очевидно, что от лиц, которые подобным образом отзывались о духовно близких Гоголю людях, ожидать адекватного отражения облика писателя — а тем более продолжения его пути, развития собственно *гоголевского* направления в литературе — было невозможно.

До какой мелочности и неприглядности доходила ненависть представителей западнической партии к «консерватору» Гоголю, свидетельствуют строки воспоминаний Тургенева о писателе, написанные через много лет после личной встречи, в 1869 г. Мемуарист приписал двадцать лет спустя Гоголю «ряд нехороших зубов», в «физиономии» обнаружил «нечто хитрое, лисье», а в характере — «темные стороны»:

«Длинный, заостренный нос придавал физиономии Гоголя нечто хитрое, лисье; невыгодное впечатление производили также его

одутловатые, мягкие губы под остриженными усами: в их неопределенных очертаниях выражались — так, по крайней мере, мне показалось — тёмные стороны его характера: когда он говорил, они неприятно раскрывались и выказывали ряд нехороших зубов <...> он завёл речь о цензуре, чуть не возвеличивая, чуть не одобряя ее, как средство развить в писателе сноровку, умение защищать своё детище <...> доказывать таким образом необходимость цензуры — не значило ли рекомендовать и почти похваливать хитрость и лукавство рабства?» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 825].

Несколько лет спустя младший современник Гоголя Г. П. Данилевский по поводу этих тургеневских «свидетельств» замечал:

«В описание И. С. Тургенева вкрались некоторые неверности, особенно в изображении Гоголя, на которого он в то время глядел, очевидно, глазами тогдашней, враждебной Гоголю и дружеской ему самому критики. Он не только в лице Гоголя усмотрел нечто хитрое, даже лисье, а под его “остриженными” усами — ряд “нехороших зубов”, чего в действительности не было, но даже уверяет, будто в ту пору Гоголь “в своих произведениях рекомендовал хитрость и лукавство раба» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 1, 306].

При всем этом Тургенев не забывал ссылаться на авторитет Гоголя, когда, делая первые шаги в литературе, нуждался в поддержке. Следует подчеркнуть, что Гоголь в своих отзывах о молодом писателе был вполне объективен (что выгодно отличает его от Тургенева, в его встречных отзывах). С тургеневским творчеством Гоголь впервые познакомился, по видимому, в середине 1847 г. В статье «О Современнике» (декабрь 1846 г.) Гоголь, перечисляя молодых и немолодых писателей, произведениями которых мог бы «украситься» плетневский журнал, о Тургеневе еще не пишет. (Стоит обозначить круг литераторов, которые были тогда «на виду» у Гоголя. В статье он упоминал о графе В. А. Соллогубе, В. И. Дале, Н. Ф. Павлове, П. А. Кулише, С. А. Гедеонове, Н. Я. Прокоповиче, В. А. Жуковском, князе П. А. Вяземском, Н. М. Языкове; подразумевал — но не называл по имени — Ф. М. Достоевского.) О Тургеневе Гоголь впервые заговорил

лишь 7 сентября (н. ст.) 1847 г., в письме к Анненкову. В подчеркнуто доброжелательном тоне он упоминал тогда о Тургеневе, запрашивая сведения о нем как о «младшем» представителе западнической партии:

«В письме вашем вы упоминаете, что в Париже находится Герцен. Я слышал о нем очень много хорошего. О нем люди *всех партий* отзываются как о благороднейшем человеке. Это лучшая репутация в нынешнее время. Когда буду в Москве, познакомлюсь с ним непременно, а покуда известите меня, что он делает, что его более занимает и что предметом его наблюдений. Уведомьте меня, женат ли Белинский или нет; мне кто-то сказывал, что он женился. Изобразите мне также портрет молодого Тургенева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке; как писателя, я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочел, талант в нем *замечательный* и обещает большую деятельность в будущем» (XIV, 439–440).

С произведениями Тургенева Гоголь познакомился тогда по публикациям первых номеров «панаевско-некрасовского» «Современника» за 1847 г. В первом номере журнала (полученном Гоголем 23 апреля (н. ст.) 1847 г. в Неаполе) был напечатан рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч. (Из записок охотника)», а также цикл из девяти описательных стихотворений Тургенева под общим названием «Деревня» («I. Люблю я вечером к деревне подъезжать...»; II. На охоте — летом; III. Безлунная ночь; IV. Дед; V. Гроза; VI. Другая ночь; VII. «Кроткие льются лучи с небес на согретую землю...»; VIII. Перед охотой; IX. Первый снег).

Во втором номере «Современника» (также полученном Гоголем в Неаполе) был напечатан рассказ Тургенева «Петр Петрович Каратаев». В третьем номере появилась тургеневская корреспонденция из Берлина («Письма из Берлина. (Письмо первое, 1 марта н. ст., 1847)») (номер был получен Гоголем в конце июля — начале августа (н. ст.) 1847 г. в Остенде). В пятом номере «Современника» было напечатано продолжение цикла рассказов «Записки Охотника»: II. Ермолай и мельничиха; III. Мой сосед Радилов; IV. Одино дворец Овсяников; V. Льгов.

За исключением упомянутого цикла стихотворений, все тогдашние публикации Тургенева вовсе не были «благодушными» лирическими или хотя бы просто объективными зарисовками с «натуры». К примеру, рассказ «Хорь и Калиныч» содержал в себе острый антиславянофильский сатирический выпад:

«...из наших разговоров <с Хорем> я вынес <...> убеждение, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя; он мало занимается своим прошедшим и смело смотрит вперед. — Что хорошо, то ему и нравится, что разумно, того ему и подавай, а откуда оно идет, ему все равно. <...> В десяти верстах от усадьбы находилось дотла разоренное село, принадлежавшее... ну, кому бы то ни было. Владелец этого села ходил, вероятно, потехи ради, в мурмолке, и рубашку носил с косым воротником. Думаете ли вы, что Хорь промолчал об этой мурмолке, что эта мурмолка его ослепила? Как бы не так!...»²⁷.

Прозападнические ноты звучали также в «Ермолае и мельничихе». В уста черствого, бездушного крепостника в этой повести была вложена фраза:

«...вы все, молодые люди, <...> мало знаете собственное свое отечество; <...> вы все только немецкие книги читаете»²⁸.

В рассказе «Мой сосед Радилов» подвергался сомнению церковный запрет жениться на сестре жены — мотив, который Гоголь осмеял еще в «Ревизоре», в реплике Хлестакова:

«Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: “Законы осуждают”. Мы удалимся под сень струй...» (III–IV, 282).

В оппозиционном духе была выдержана также повесть Тургенева «Однодворец Овсяников», где был выведен «один из людей старого века» — который, по воле автора, довольно дидактически «напоминал» «русских бояр допетровских времен» («Ферязь бы к нему пристала...»), но при этом отнюдь не хвалил, а, напротив, порицал «старое время»: «...Неужто ж я так и умру и новых порядков не увижу?»²⁹. «Белые нитки» западной идеологии вполне явственно проглядывали

в еще одном «знаковом» образе последней повести. В молодом, толстом и неумном барине Любозвонове Тургенев повторял сатирический образ «Хоря и Калиныча», вновь высмеивая славянофильство:

«...ходит барин в плисовых панталонах, словно кучер, <...> бороду отпустил, а на голове така шапонька мудреная <...>. Я-де русский, говорит, и вы русские; я русское все люблю...»³⁰.

Когда Гоголь три с лишним года спустя, в январе 1851 г., прочел только что напечатанный тогда водевиль графа В. А. Соллогуба «Сотрудники, или Чужим добром не живешь», с аналогичной карикатурой на К. С. Аксакова, то, вопреки ожиданию, он посочувствовал даже не осмеиваемому в пьесе приятелю, но прежде всего самому автору комедии, Соллогубу:

«...бедный он! Жаль! <...> его жаль, что он неуместно насмехается» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 747].

Очевидно, что Гоголь принять не мог и насмешки молодого Тургенева в «Записках охотника» над славянофилами — гоголевскими друзьями³¹, и издевки юного литератора над патристическими чувствами, и критику церковных постановлений. Его отзыв о новом писателе в письме к западнику Анненкову носил, судя по всему, вполне комплиментарный характер, похвала Гоголя относилась к Тургеневу лишь как художнику слова, способному «живописать», а отнюдь не к тем прокламациям западных идей, во что превращались порой некоторые из образов начинающего писателя.

Можно сказать, что за художническое начало, за талант «живописца» Гоголь «простил» тогда молодому Тургеневу его неуместные выходки. «...В Тургеневе все-таки живость есть, все-таки русское», — замечал он позднее, в марте 1851 г., в беседе с одесской знакомой Е. А. Хитрово [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 750]. Для повести Тургенева «Бежин луг», напечатанной в том же 1851 г. в февральском номере «Современника», Гоголь даже делал исключение, отрицая, по свидетельству А. О. Смирновой, разделяемое им самим представление о тесной зависимости натуральной школы от

французской литературы. В письме к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г. Смирнова сообщала:

«Николай В<асильевич> сердился, когда ему говорили, что “Бежин Луг” и “La petite Fadette”³² схожи; он вообще не любил Georges Санда» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 271].

(Неприменение Гоголем произведений Жорж Санд, почитаемой представителями натуральной школы, Смирнова отмечала не раз³³. Но влияние «Маленькой Фадетты» Жорж Санд на тургеневский «Бежин луг» исследователи все-таки признают³⁴.)

Как свидетельствовала Хитрово, Гоголь, оценивая произведения Тургенева, был «рад» тому, «что хоть что-нибудь можно похвалить». Эти слова относятся к еще одному полукритическому, полупоощрительному гоголевскому отзыву о произведении Тургенева — комедии «Завтрак у предводителя»³⁵. Оценка Гоголем этого тургеневского текста дошла до нас в дневниковой записи Хитрово от 27 января 1851 г.:

«Ильин Николай Петрович читал вслух “Завтрак у предводителя” Тургенева. С великим терпением выслушал всю пьесу Гоголь; только при чтении действующих лиц он говорил: “Зачем о летах? Он столько раз говорит: 35, 40, 42 и т. д.” Ему показалось растянуто. “Вообще, — прибавил он, — у Тургенева мало движения, а жаль: пока молод еще, надобно себя настроить”. Я звала слушаю. Ко мне подошел <...>, Гоголь спросил: “Ну, вы наслаждались?” Я: “Чем?” — Г<оголь>: “Ну да женщиной: она очень хороша!” (Имеется в виду единственный женский персонаж комедии, сатирический образ взбалмошной вдовы Кауровой. — И. В.) Я: “Да, она хороша, да утомительно и все дагерротипно слишком, т. е. дагерротипно так, когда человек тронется в то время, когда его снимают”. “Женщина хороша!” Он рад, что хоть что-нибудь можно похвалить!» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 746].

О прямой похвале Гоголя Тургеневу как художнику сам Тургенев не преминул сообщить в письме к П. Виардо из Парижа от 1 декабря (н. ст.) 1847 г. — спустя около трех месяцев после отправления Гоголем послания к Анненкову, с отзывом о Тургеневе как «замечательном» таланте, обещающем «большую деятельность в будущем». Тургенев писал:

«Один из моих друзей (очевидно, Анненков. — И. В.) <...> показал мне письмо Гоголя, в котором этот человек, вообще такой высокомерный и придирчивый, говорит с большой похвалой о вашем покорном слуге. Одобрительный отзыв такого мастера доставил мне большое удовольствие» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 820].

Еще одним доброжелательным отзывом Гоголя о Тургеневе поделился опять-таки сам Тургенев в разговоре со Смирновой, последовавшем вскоре после освобождения писателя из-под ареста весной 1852 г. Рассказывая Смирновой о своей встрече с Гоголем в Москве в конце октября 1851 г., Тургенев сообщал, что тот призывал его относиться к своему таланту как к дару Божию (т. е., по сути, определенно предупреждал не злоупотреблять им). Об этом гоголевском отзыве много лет спустя, в 1877 г., Смирнова сообщала И. С. Аксакову:

«Тургенев был у Гоголя в Москве, тот принял его радушно, протянул руку, как к товарищу, и сказал ему: “У вас есть талант, не забывайте, что талант есть дар Божий и приносит 10-ть талантов за то, что Создатель вам дал даром. Мы обнищали в нашей литературе, обогатите ее; главное — не спешите печатать. Обдумывайте хорошо, пусть скорее создастся повесть в вашей голове и тогда возьмитесь за перо, марайте и не смущайтесь. Пушкин беспощадно марал свою поэзию, его рукописей теперь никто не поймет, так они перемараны”» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 271].

(О том, что Смирнова слышала эти слова Гоголя непосредственно от Тургенева, может свидетельствовать письмо к Тургеневу Е. М. Феоктистова от 18 февраля 1853 г.:

«Помните ли, что Гоголь сам говорил Вам о том, до какой степени надо выносить и вырастить в себе самом лицо, предполагаемое для изображения» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 834].)

После встречи с Гоголем осенью 1851 г. Тургенев не без гордости, при понятном самоумалении, называл себя гоголевским «учеником». 4 декабря он писал Погодину из Петербурга:

«Если Вы увидите Гоголя, не забудьте поклониться ему — от имени одного из самых малых учеников его» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 821].

Еще один доброжелательный (хотя и весьма сомнительный с точки зрения достоверности) отзыв Гоголя о Тургеневе сообщил самому Тургеневу в 1852 г. все тот же западник Боткин (причастный к распространению слухов о Гоголе-«Тартюфе»):

«Я сейчас воротился от Черкасских³⁶, где обедал, и не могу тебе тотчас же не сообщить следующего: княгиня мне говорила, что Гоголь, месяца за два до смерти был у тетки³⁷ ее и, говоря о литературе, сказал, “что во всей теперешней литературе больше всех таланту у Тургенева”» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 299].

Последнее свидетельство, полученное «из третьих рук», представляется недостоверным хотя бы потому, что, согласно ему, Гоголь хвалил перед *матерью* писателя графа В. А. Соллогуба, графиней С. И. Соллогуб (именно она была упоминаемой Боткиным «теткой» княгини В. А. Черкасской), *другого* писателя (а не ее сына).

Л. И. Арнольди, — тот, что в свою очередь не устоял перед соблазном передать в своих мемуарах слух о Гоголе как «иезуите Тартюфе», — также вспоминал, как при одной из встреч с Гоголем — либо летом 1849 г., либо летом 1851 г. — тот будто бы «отзывался с большою похвалою» о «сочинениях Тургенева, Григоровича, Гончарова» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 390]. Хотя в этом свидетельстве тоже можно частично усомниться (об этом пойдет речь ниже), однако даже если оно и не приписано писателю задним числом, то в таких похвалах не было для Гоголя ничего «невозможного» или исключительного. Писатель всегда благожелательно относился к начинающим литераторам. Серьезно настораживает в мемуарах Арнольди лишь дополнение, которым тот сопроводил слова Гоголя. По указанию мемуариста, Гоголь, похвалив молодых литераторов, будто бы добавил:

«Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорогу» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 390].

Это «свидетельство» вызывает сомнение по следующей причине. Воспоминания Арнольди написаны не без авторской претензии найти некий универсальный «ключ» к пониманию Гоголя, собрав воедино его кричащие «противоречия» и «недостатки» — и тем самым встроив писателя в заранее заготовленную мемуаристом концепцию: «Гоголь — Руссо». Так, Арнольди сообщал:

«...вещи самые простые, известные последнему гимназисту, были для него новостью»;
 «Одевался он вообще без всякого вкуса...»;
 «Усами своими он тоже занимался немало»;
 «Гоголь <...> наедался очень часто до того, что бывал болен...»;
 «В его *маленьком* чемодане <...> сапогов было всегда три, часто даже *четыре пары*...» (курсив мой. — И. В.);
 «Как <...> согласить его постоянное стремление к нравственному совершенству с его гордостью...»;
 «...брат мой <К. О. Россет> <...> нашел большое сходство между Гоголем и Жан-Жаком Руссо» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 382–384, 388].

Наличие в статье мемуариста предвзятой концепции заставляет усомниться и в том свидетельстве, что будто бы западническая натуральная школа была для Гоголя, ни много ни мало, — «настоящей дорогой» русской литературы. Это наблюдение в мемуарах Арнольди — отнюдь не «обязательное», принципиально важное, имеющее самостоятельное значение, а только один случайный «аргумент» в пользу «противоречий» Гоголя — писателя à la Руссо:

«Я прежде никогда не видал у Гоголя ни одной книги, кроме сочинений отцов Церкви и старинной ботаники, и потому весьма удивился, когда он заговорил о русских журналах, о русских новостях, о русских поэтах. Он все читал и за всем следил. О сочинениях Тургенева, Григоровича, Гончарова отзывался с большою похвалой. “Это все явления утешительные для будущего, — говорил он. — Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорогу”» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 390].

Тот же Арнольди, искавший возможность подчеркнуть в мемуарах гоголевские «противоречия», упоминал о таких же

похвалах Гоголя в адрес славянофила С. Т. Аксакова. По словам мемуариста, в сентябре 1851 г. Гоголь говорил Смирновой, что «никто из русских писателей не умеет описывать природу такими сильными, свежими красками, как Аксаков» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 393].

В гоголевских отзывах о произведениях Тургенева одновременно с похвалами (по-видимому, не столь «большими», как утверждали Арнольди и Боткин) была подчас и резкая, принципиальная критика.

Так, пьесу Тургенева «Нахлебник» Гоголь, не взирая на восторги актера М. С. Щепкина, прямо называл «безнравственную» (свидетельство Марии Владимировны Станкевич в письме к родным от 11 декабря 1849 г.; Станкевичи были близки с семейством Щепкина; сестра М. В. Станкевич, Александра Владимировна, была замужем за сыном актера Николаем) [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 44]. В 1859 г. Аполлон Григорьев также сообщал: «Тургеневский <...> “Нахлебник”, <...> эта “пьеса с причиной”, как назвал ее *почему-то* покойный Гоголь, — привел натурализм уже не к комическому, а к отвратительному»³⁸. Речь в драме Тургенева идет о супружеской измене, совершенной в прошлом покойной матерью юной героини, вследствие чего та оказалась дочерью жалкого и ничтожного шута — приживала и «нахлебника». Осенью 1849 г. это тургеневское произведение было запрещено цензурой как «равно оскорбляющее и нравственность и дворянское сословие»³⁹. Даже приятель Тургенева Боткин замечал по поводу «Нахлебника», что его «основной мотив не совсем идет к русской жизни» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 296]. Можно предположить, что именно эту пьесу имел в виду Гоголь, когда на последней странице своей записной книжки 1842–1851 гг. набросал примечательную заметку с заглавием «О театре»:

«Искусство упало. Высокие доблести, величие духа, всё, что способно поднять, возвысить человека, являются редко. Всё или карикатура, придумываемая, чтобы быть смешной, или выдуманная чудовищная страсть, близкая к опьянению, которой авто<р> старается из всех <сил> дать право гражд<анства>, составляют содержание нынешних пьес» (IX, 677).

По позднешему свидетельству А. Т. Тарасенкова, 22 января 1852 г. Гоголь «с пренебрежением» отзывался также о пьесе Тургенева «Провинциалка»:

«Что это за характер: просто кокетка — и больше ничего» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 908].

Замечание относится к героине пьесы, жене уездного чиновника, бесстыдно кокетничающей с влиятельным заезжим графом ради чаемого переезда, вместе с мужем, в Петербург.

Так Гоголь, перемежая похвалы и порицания (что он делал всегда, пытаясь повлиять на окружающих), стремился преподать молодым современным литераторам оздоровляющий урок.

***

Между тем уже со второй половины 1840-х гг. воспитанники «школы» Белинского — «кучка западников-либералов» (выражение И. С. Аксакова) [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 1, 304] — правдами и неправдами оказывают самое серьезное влияние на новую смену писателей. Такое влияние испытывает в те годы начинающий драматург А. Н. Островский. По свидетельству уже упомянутого Тertia Филиппова, Островский в 1846 г. «всецело принадлежал к так называемому западническому направлению, под обаянием которого находился»:

«Он весьма часто ссылался в разговорах на мнения *Отечественных Записок*, являвшихся для него авторитетом <...>. Увлекаясь вышеуказанным направлением, Островский доходил иногда до странных, почти невероятных крайностей. Так, заверял он, что ему противен вид самого Кремля с соборами. Он изумил однажды Филиппова, сказав: “Для чего здесь настроены эти пагоды?” Этою подчиненностью Островского господствующему направлению объясняется между прочим и то, что первая его крупная пьеса *Свои люди сочтемся* состоит из целого ряда темных, отгалкивающих, чисто отрицательных типов Русского народа...» [Барсуков: 65–66].

«Свои люди — сочтемся» есть, конечно, такое произведение, на котором лежит печать необыкновенного дарования, но оно задумано под сильным влиянием отрицательного воззрения на русскую жизнь, отчасти смягченного еще художественным

исполнением, и в этом отношении должно отнести его, как ни жалко, к последствиям *натурального* направления» [Филиппов: 16].

По счастью, Островский, как и другие талантливые писатели, впоследствии сумел избавиться от влияния отрицательного направления:

«Начав с презрения к *пагодам* Кремля, Островский постепенно, исподволь дошел даже до крайностей истинно русского направления» [Барсуков: 79].

Во всяком случае уже в 1855 г. он называл «Выбранные места из переписки с друзьями» «замечательной книгой» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 566].

Очевидный «диктат» западников испытывает во второй половине 1840-х гг. другая будущая знаменитость — граф Л. Н. Толстой. Влияние радикальной школы не прошло для него бесследно. Позднее, в 1891 г. Толстой, перечисляя произведения Гоголя, наиболее повлиявшие на него в возрасте от четырнадцати до двадцати лет (с 1842 по 1848 гг.), признавался, что уже тогда ценил «все художественные, кроме Тараса Бульбы»⁴⁰. (Неприязнь к героической повести Гоголя Толстой — автор «Войны и мира» — сохранил до конца жизни⁴¹.)

Белинский и его статьи пользовались в «послегоголевский» период развития русской литературы чрезвычайной популярностью. Еще в 1847 г. Плетнев в письме к Шевыреву свидетельствовал:

«...мы живем в жалкую эпоху. Глупейший враль становится для нынешней публики оракулом. <...> сегодня Срезневский рассказывал о торжестве Белинского в Харькове (летом 1846 г. — И. В.), о таком народном торжестве, какого не удостаивались при жизни ни Карамзин, ни Пушкин. Афишу, которую в грязных лапах своих подержал Белинский в Харьковском театре, тамошние дамы разорвали по клочкам и разделили меж собою» [Деметьев: 198].

17 сентября 1856 г. Иван Аксаков из Николаева сообщал брату Константину:

«Нет ни одного *учителя* гимназии, ни одного уездного учителя, который бы не был под авторитетом русского запада, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю, и под их руководством воспитываются новые поколения» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 942].

Спустя три недели Аксаков в письме из Екатеринослава к родным повторял:

«И Полевой, и Белинский имели огромное влияние на общество, вредное, дурное, но все же громадное влияние. Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю; в отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивает число прозелитов» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 942–943].

Не следует, однако, смешивать эту популярность Белинского с влиянием на русское общество самого гоголевского наследия. Несомненны исключительные заслуги Гоголя в становлении реализма русской словесности — без агрессивной политической тенденции, которую настойчиво пытались навязать произведениям писателя критики-западники. Гоголевский реализм не просто оказывал влияние на художественную литературу, но менял само видение реальности, сказываясь даже на научных трудах. Так, Погодин, работая над своими многотомными «Исследованиями, замечаниями и лекциями о русской истории», в 1848 г. в письме к Гоголю признавался:

«Тебе, то есть впечатлениям, тобою произведенным, понятиям, тобою возбужденным в “Ревизоре” и “Мертвых душах” об объективности действующих лиц, обязана моя “История” много» (XV, 117).

Младший современник писателя, князь Д. А. Оболенский, познакомившийся с Гоголем в 1848 г., позднее, в 1873 г., отмечал:

«Некоторые позднейшего времени статьи о Гоголе могут служить доказательством, какая бездна отделяет понимание Гоголя новейшими критиками от того непосредственного, живого

и могучего влияния, которое Гоголь действительно имел на нравственное развитие современной ему молодежи. Здесь не место протестовать против странной оценки социальных и политических убеждений Гоголя; здесь не место разбирать, кто из современных писателей глубже и шире относится к жизненным вопросам общества. Скажу только, что поколение, выработавшее и осуществившее все реформы последнего десятилетия, воспитано Пушкиным и Гоголем и приготовлено их нравственным влиянием к деятельности и плодотворному труду, хотя ни Пушкин, ни Гоголь не написали ни одного трактата о какой-либо реформе и не переносили на русскую почву социального бреда иноземных мыслителей» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 686].

Н. С. Лесков в 1883 г. свидетельствовал:

«Из малороссов Белинскому многие не только не сочувствовали, но даже сердились на него за его злые нападки на “совратившегося Гоголя”. <...> Рукописные копии письма Белинского к Гоголю ходили по рукам и в Малороссии, но они не возбуждали никакой желчи против поэта <...>. Скорбь о Гоголе в Малороссии была всеобщая, а имя Белинского почти все произносили с раздражением» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 1012].

В 1874 г. тот же Иван Аксаков писал А. О. Смирновой:

«Знаете, о чем я теперь собираюсь писать? О Гоголе. <...> То значение, которое имел Гоголь для литературы, для современников, <...> то *наслаждение*, которое доставляло художественное воспроизведение пошлых, грязных и сальных сторон русской жизни, наслаждение чуждое всяких тенденциозных, социалистических соображений, все это теперь — вещи невнятные. Это необходимо истолковать, и потому мне хочется написать <...> два этюда о Гоголе: один — “место или значение Гоголя в истории русской литературы и русского общества”, а другой — психологический этюд о самом Гоголе...» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 943].

(К сожалению, своего намерения Аксаков так и не исполнил.)

Еще в 1852 г. В. В. Толбин, пытаясь «по горячим следам» разобраться в отношении к творчеству Гоголя литераторов натуральной школы, писал:

«Гоголь навлек на себя упрек не несправедливый в порождении несчастной литературной школы, школы натуральной, сумевшей, как иные дети, усвоить себе одни отцовские недостатки, не переняв ничего доброго и умного от него. Но и тут следует признаться, что и в самой натуральной школе, стоящей, действительно, как живой упрек Гоголю, были некоторые удачные попытки, обещавшие успех в будущем. С другой же стороны, ошибочное разумение ею Гоголя происходило от того, что он не окончил работы, выставил только несколько отрывочных, недоделанных картин и, не высказав мысли, сошел с своего поприща» [Толбин: 4–5].

Так или иначе, но, вопреки суждениям друзей и единомышленников Гоголя, понимавших подлинный смысл его творчества, господствующим в журналистике 1850-х гг. продолжало оставаться радикальное направление. В 1860-х гг. это направление только усилилось. В свои «права» вступала еще более жесткая нигилистическая критика. Чернышевскими, Добролюбовыми и Писаревыми выковывался тот дух отрицания исторической России, который вел к трагедии 1917 года. От заявлений Белинского (в зальцбрунском письме), что «русский народ — <...> это <...> глубоко атеистический народ» (в чем будто бы и «заключается огромность исторических судеб его в будущем»; XIV, 370), до атеистов Д. И. Писарева и В. И. Ульянова (Н. Ленина) — расстояние лишь во времени, но не в духе. Так, для повзрослевшего, прозревшего Достоевского все предельно ясно. В 1871 г. он пишет Н. Н. Страхову:

«Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор еще цените) именно был немощен и бессилен талантишком, а потому и проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда...» [Достоевский: т. 29₁, 208].

Кстати сказать, на эту тесную связь взглядов Белинского с обстоятельствами личного характера указывал еще в 1847 г. Ф. Ф. Вигель, поясняя в письме к Гоголю мотивы, которыми руководствовались западники в радикальном истолковании его произведений:

«Что побуждало их к тому? любовь ли к родине, коей сынам чаяли они от того исправления? ненависть ли к ней за неудачи

свои, в коих, право, не она и не Правительство, а природа их была виновата? Невольно надобно придержаться последнего мнения...» (XIV, 239).

Однако для Ленина, почитателя Писарева и Нечаева, письмо Белинского к Гоголю — это «одно из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное <...> значение и по сию пору» [Ленин: 94]. Эти строки были написаны за три года до революции. Примечательны упоминания о гоголевских образах в статьях Ульянова (Н. Ленина): «...угрожающе рычит черносотенец Собакевич» (1908); «...старая русская монархия, старая держиморда...» (1919)⁴².

Дело, разумеется, заключалось не в отдельных личностях, но в самом духе эпохи. Сама цензура действовала тогда порой больше в пользу популярного нигилизма, чем в поддержку государственности. Что говорить об отношении последователей Белинского к Гоголю, если отрицатели не щадили в то время даже Священное Писание. В неотправленном письме 1847 г. к критику Гоголь писал:

«...пастырей, этих мучеников Епископов, вынесших на плечах святыню Церкви, вы хотите отделить от Христа, называя их несправедливыми истолкователями Христа. Кто же по-вашему ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели [эти]¹⁾ нынешние ком<м>унисты и Социалисты, [объясняющие, что Христос повелел отнимать имущества и гра<бить> тех, которые нажили себе состояние]? Опомнитесь!» (XIV, 388); «Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен», — замечал Гоголь (VI, 57).

К чести русской классической литературы, несмотря на все противоречивые веяния, ее главными составляющими остались вера, духовность, любовь к России — в противовес безверию и отрицанию. Гоголевская писательская традиция — и в осуждении порока, и в утверждении добродетели — была сохранена и продолжена, вопреки разрушительным попыткам Белинского и его «школы».

¹⁾ Здесь и далее в квадратные скобки заключены зачеркнутые Гоголем строки чернового письма к Белинскому.

***

Возникает, однако, вопрос: насколько изжита, ушла в прошлое традиция радикального западничества? В целом можно судить, что относительная объективность в работах современных историков и литературоведов наблюдается главным образом в изучении отдаленных эпох русской истории — XI–XVIII вв. Иначе дело обстоит в отношении к более близкому XIX веку. Взвешенность и беспристрастность часто оставляют современного ученого-гуманитария, когда он берется оценивать век, непосредственно предшествующий революционному потрясению 1917 г. Чем ближе к роковому перелому, тем более сознание исследователя двоится. С одной стороны, главными остаются требования объективного анализа, с другой, — вслед за литературоведением советской эпохи, ученый вместо подлинно научного исследования порой так или иначе продолжает «доказывать» сомнительное превосходство «своего», послереволюционного времени над предшествующим, — делая это, разумеется, за счет принижения последнего. В современной науке до сих пор сказывается отсутствие подлинно научных методологических подходов в оценке наследия XIX века. Довлеет давняя идеологическая традиция советской школы, в непрременную обязанность которой входило тотальное «обличение» отечественной истории и культуры девятнадцатого столетия. Проблема «гоголевских» и «антигоголевских» традиций продолжает, таким образом, оставаться актуальной и для нынешнего времени.

Одним из ключевых в этом противостоянии двух разнонаправленных традиций является представление о якобы присущей русской культуре «литературоцентричности»⁴³. Легко принимаемое на веру, это представление содержит в себе, однако, вполне определенный идеологический концепт. В действительности пресловутая «литературоцентричность» никогда не была определяющей чертой всецелого русского общества ни в девятнадцатом, ни в более отдаленных веках. Специфической особенностью это явление стало к середине XIX в. лишь для одной, не самой многочисленной из социальных групп тогдашнего образованного сословия. «Литературоцентричной» русская культура стала прежде всего для

либеральной интеллигенции позапрошлого столетия. Именно либеральная мысль XIX в. сделала из художественной литературы главный плацдарм, откуда разворачивались основные движения, направленные против традиционного уклада русской жизни. Для остального тогдашнего общества светская художественная словесность — безусловно, всегда обладавшая важным для всех значением — в центре исключительного внимания, тем не менее, никогда не стояла. Главную ценность для русского национального самосознания традиционно составляли отечественная и мировая история, богословие, агиография, иконография, церковная проповедь, церковное и гражданское право, фольклор, философия, воспитание, образование — и многие другие насущно необходимые для общества сферы культуры. Так, особое значение в первой половине XIX в. придавалось истории. «В народном воспитании преподавание Истории есть дело Государственное», — писал, в частности, по этому поводу будущий министр народного просвещения С. С. Уваров в 1813 г. (в то время попечитель Санкт-Петербургского учебного округа) [Уваров: 2]. В. А. Жуковский, назначенный в 1826 г. воспитателем Наследника Александра Николаевича, в свою очередь отмечал:

«Сокровищница просвещения царского есть история, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит Государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть главною наукою Наследника престола» [Жуковский, 1880: 18–19], [Жуковский, 1902: 146].

«Литература» — пожалуй, наименее удачный термин для определения той сферы духовной деятельности, которая в русской культуре названа этим словом. <...> На протяжении последних десяти веков у нас была не столько литература, сколько *христианская словесность*», — отмечал В. Н. Захаров [Захаров, 2012: 103]. Во всеохватывающих, корневых понятиях традиционного русского уклада, таких, как вера, царь, отечество — Церковь, государство, народ — Православие, Самодержавие, Народность — религия, история, фольклор (народная культура) — развивающаяся новейшая беллетристика была лишь одной, но отнюдь не единственной и, тем

более, не главенствующей формой проявления народности. Исключительная «ставка» на художественную литературу — среди всех других важных составляющих культуры — была сделана именно оппозиционной частью русского общества, вовлекавшей постепенно, по мере приближения к 1917 г., в свою «литературоцентричную» орбиту другие слои.

Неудивительно, что «литературоцентричной», по наследству, оказалась и вступившая на смену либерализму XIX века советская эпоха, взявшая на себя роль продолжательницы традиций радикальных литераторов девятнадцатого столетия. В «литературоцентричности» либеральной ветви русской культуры, в разрушительной по отношению к исторической России художественной беллетристике XIX века новая эпоха закономерно черпала себе оправдание и подкрепление.

Свою тесную связь и преемственность с предшествующим «литературоцентричным» движением со всей определенностью демонстрирует и современная литературоведческая наука либерального толка. В ее ставшем почти ритуальным обычае негативно оценивать, если не проклинать, практически все стороны жизни дореволюционного XIX века — культуру, идеологию, правительственную практику, — есть одно неперемное исключение. Под обличие никогда не попадали «свои» — Белинские, Герцены, Добролюбовы, Чернышевские и пр. — жившие в «неудобном» во всех других отношениях столетии.

Справедливости ради — а также для полноты картины — следует, впрочем, отметить, что первые шаги в формировании светской «литературоцентричности» русской культуры были сделаны отнюдь не либералами, а, напротив, представителями проправительственной, консервативной партии. Сделано было это исключительно из благих побуждений, с целью вовлечения отечественных литераторов в процесс государственного, общенационального строительства. Однако в силу того, что «литературоцентричностью» умело воспользовалась впоследствии западнически ориентированная часть русского общества, изучение «корней» и истоков этого явления осталось невостребованным. Признавать свою «литературоцентричную» сосредоточенность берущей начало от «консерваторов» было не в интересах радикальной общественности.

Реальная история возникновения и развития «литературоцентричности» в отечественной культуре такова. В 1832–1834 гг. новым министром народного просвещения С. С. Уваровым в качестве основ образования были провозглашены начала Православия, Самодержавия, Народности. Эти принципы, которым следовал еще в 1824–1828 гг. в своей деятельности на посту министра народного просвещения А. С. Шишков, были заявлены в 1832 г. Уваровым в его «Отчете по обозрению Московского университета» от 4 декабря 1832 г. [Уваров, 1867: 348–349, 352] — и еще раз подчеркнуты в его обращении 21 марта 1833 г. к попечителям учебных округов при вступлении в должность управляющего Министерством народного просвещения. Последнее обращение нового главы министерства было напечатано в 1834 г. в первом номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» [Уваров, 1834: 49–50].

Все мы более или менее представляем, что стояло за первыми двумя составляющими знаменитой «уваровской» триады — Православием и Самодержавием. Но ныне мы едва догадываемся, что вкладывалось в тогдашнее понятие Народности. А высшим проявлением народности была объявлена в те годы именно литература. Литература официально провозглашалась делом государственной важности — и таким образом ставилась на такую высоту, на какой она до этого еще никогда не стояла. Можно сказать, что 1834 г. является годом рождения русской классической литературы в том ее общенациональном, общегосударственном статусе, который она сохраняет до наших дней⁴⁴.

К сожалению, существовавшая в самой русской словесности XIX в. здоровая консервативная «оппозиция» радикальному западничеству — а это наиболее талантливые русские классики: Гоголь, Жуковский, Тютчев, Достоевский, Гончаров, Лесков и др., — оказалась не в силах воспрепятствовать разрушительным веяниям предреволюционной эпохи — распространявшимся, кстати сказать, преимущественно даже не за счет собственно художественной литературы, но за счет публицистики и критики, а также тех беллетристических произведений, художественные достоинства которых были невысоки.

Именно Гоголь — писатель, для которого неискаженная иерархия общественных ценностей была дороже личных пристрастий, был одним из главных сторонников «народности» русской литературы в уваровском, правительственном духе и убежденным противником либерального литературоцентризма своего века. Известно, что хотя Гоголь первые опыты в литературе делал еще будучи в нежинской Гимназии высших наук, однако писателем быть не собирался. В «Авторской исповеди» он признавался: «...в те годы, когда я стал задумываться о моем будущем <...>, мысль о писателе мне никогда не всходила на ум... <...> Я думал просто, что я выслужусь <...> страсть служить была у меня в юности очень сильна. <...> Я примирился и с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также служить земле своей» (VI, 221). В западническом литературном либерализме, почти полностью перехватившем инициативу правительства и использовавшем ее в своих целях, писатель, в числе других недостатков, не без оснований усматривал подчас вопиющую дилетантскую некомпетентность в вопросах как гражданского (государственного), так и духовного (церковного) строительства. (Вообще говоря, проблема «духовных недорослей» — сквозная для гоголевского творчества⁴⁵.) Так, в 1847 г. Гоголь, имея в виду безапелляционные суждения Белинского о Церкви и русском народе, обращался к критику:

«...какое невежество блещет на всякой стра<нице>! [Как дерзнуть с таким малым запасом сведен<ий> толковать о таких велики<х> предметах>. Вы не кончили даже университетского <курса>.] <...> что представите <вы> в доказательство вашего знания <человеческой> природы и Русского народа, что вы произвели такого, в котором видно <это> зна<ние>?» (XIV, 390; письмо осталось неотправленным).

В окончательной редакции письма к Белинскому Гоголь добавлял:

«Наступающий век есть век разумного сознания; не горячась, он взвешивает всё, приемля все стороны к сведенью, без чего не узнать разумной середины вещей. Он велит нам оглядывать многосторонним взглядом старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедших времен...» (XIV, 411).

Нечто подобное Гоголь говорил и в 1848 г. при встрече с либеральными литераторами некрасовского «Современника», о которой шла речь выше. П. В. Анненков, вспоминая этот вечер, позднее, в 1858 г., сообщал И. С. Тургеневу:

«Помню я, что <...> Гоголь находил необычайную пользу для литературы в тогдашней системе цензурного ограничения: это, говорил он, временной арест, чтобы заставить людей *мыслить*» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 533].

Спустя два десятилетия тот же Анненков в мемуарах вновь напоминал об этих словах Гоголя:

«Он <...> продолжал думать, что <...> преследование печати и жизни не может долго длиться, и советовал литераторам и труженикам всякого рода пользоваться этим временем для тихого приготовления серьезных работ ко времени облегчения»⁴⁶.

Напомним также данный Гоголем самому Тургеневу осенью 1851 г. совет «не спешить печатать» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 271] и сказанные ему тогда же слова о том, что правительственная цензура не только не вредна, но даже полезна начинающему литератору — «как средство развивать в писателе сноровку, умение защищать своё детище, терпение и множество других христианских и светских добродетелей» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 825].

Встретившийся с Гоголем в 1848 г. славянофил Ф. В. Чижов, в свою очередь, записал в дневнике:

«...должно признаться, что в моих мыслях больше личного самолюбия, нежели чистоты. Гоголь прав, — теперь людям надобно примолчать, иначе они заговорят глупость. В этих словах много мудрости» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 63].

Возражения против того, чтобы «науки», в том числе гуманитарные, стали «совершенно принадлежать <...> частному человеку» — недостаточно компетентному в сложных и важных общественных вопросах, встречаются также в уже упоминавшейся статье Гоголя «Рассмотрение хода просвещения России»:

«Науки не делали своего дела уже потому, что отвлеклись от жизни, набили головы множеством терминов, увлекли их в философию, стали решать на бумаге то, что совершенно иначе разрешалось в жизни, приучили к строенью воздушных замков <...> стали <...> совершенно принадлежать частному человеку» (IX, 714).

Хлестаковское «самозванство» в решении вопросов широкого общественного значения стало предметом размышлений Гоголя и в письме к князю П. А. Вяземскому 1847 г., также написанном по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». В ту пору Вяземский, будучи в почетном звании камергера, состоял в должности управляющего Государственным заемным банком, являлся также академиком Императорской академии наук, членом Московского и Казанского Обществ любителей отечественной словесности. Имея в виду все эти многообразные государственные должности Вяземского, Гоголь обратился к нему с предложением написать статью о принципах современной политики — о «тех истинах, о которых могут сказать только люди государственные»:

«Если о них не раздадутся теперь здравые определения, годные укрепить хотя некоторых или дать им знать, по крайней мере приблизительно, чего держаться, то их пойдут скоро коверкать вовсе негосударственные люди и могут сбить всех с толку. Вы видите, что некоторое поползновение к тому уже обнаруживается. Даже и я, человек вовсе негосударственный, заговорил о том. <...> теперь нужен голос мастеров того ремесла, в которое впутываются люди посторонние» (XIV, 296–297).

2 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал графу А. П. Толстому (бывшему тогда в отставке):

«Будем исполнять закон Христа относительно тех людей, с которыми нам придется столкнуться <...>, а о России Бог позаботится и без нас» (XIV, 396).

В произведениях литераторов радикальной школы Гоголь указал на еще одно характерное «родовое пятно» — противоположную интересам общенационального единства нетерпимость «частного», порой совершенно «постороннего» в государственных вопросах человека. Размышляя о принципах

государственного правления, составляющего исключительную прерогативу монарха, Гоголь в одной из статей «Выбранных мест...», в письме «О лиризме наших поэтов», замечал:

«Из нас, людей частных, возыметь <...> любовь во всей силе никто не возможет <...> только <...> Государь приобретет тот всемогущий голос любви <...>, который один может только внести примиренье во все сословия...» (VI, 45–46).

В упомянутом послании к Вяземскому Гоголь заключал:

«Мне кажется, как будто еще недостаточно любви у всех нас <...>. Самые наиболее любящие из нас еще не исполнены любовью к людям в такой степени, в какой исполнены ненавистью к их заблуждениям. Оттого и все статьи наши, подвигнутые самым искренним желанием добра, не вносят надлежащего примирения» (XIV, 296).

Отмечая некомпетентность и разъедающую нетерпимость «негосударственных людей» в деле управления страны, в определении путей ее развития, Гоголь, несмотря на настойчиво провозглашаемое либеральными литераторами следование действительности — декларируемые «физиологизм», «натурализм» (позднее «реализм»), — уже при самом зарождении натуральной школы однозначно указал, что произведения радикального западничества — как подражания «новой французской литературе» — часто являются кривым зеркалом жизни. (Как уже указывалось, скептическое отношение к французской литературе — решающее значение которой для зарождения натуральной школы подмечали Гоголь, Самарин, Вяземский и др. — писатель высказывал еще в 1830-х гг.) Позднее, в 1847 г., Гоголь писал Белинскому:

«Нет, <...> нельзя судить о Русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятых легкими журнальными <статьками и романами> тех французских ро<манистов, которые> так пристрастны, <что не хотят видеть>, как из Евангелия исх<одит истина, и не замечают> того, как уродливо и косо изображ<ена у> них жизнь» (XIV, 390).

В статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» Гоголь подчеркивал:

«...эти судорожные, больные произведения века, с примесью всяких непереважившихся идей, нанесенных политическими и прочими броженьями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно уже остановились в раздумье, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои» (VI, 28).

Как следует из строк письма Гоголя к Н. Я. Прокоповичу от 20 июня (н. ст.) 1847 г., писатель полагал, что реплику о журнальных «козлах», обращенную «к журналисту вообще», непременно на свой счет примет Белинский (см.: XIV, 312). Обращение Гоголя к «журналистам вообще» имело тем более знаковый характер, что их деятельность писатель ставил в один ряд с пагубными явлениями последних времен. Кроме сравнения «журнальных вождей» с «козлами» — апокалиптическими «козлицами» (Мф. 25:32–33), об этом же свидетельствует гоголевская характеристика «журнальной литературы» в заключительной главе «Переписки с друзьями», статье «Светлое Воскресенье». Апокалиптическая сущность современной журналистики подчеркивается здесь в именовании ее «всепогубляющей саранчой» (ср.: Откр. 9:3). Размышляя о болезни радикализма, охватившей русскую словесность, Гоголь писал:

«Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердце людей повсюду. Уже и самого ума почти не слышно. <...> уже одна чистая злоба воцарилась наместо ума. <...> Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мненьями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека» (VI, 201–202).

Показательно, что упрек в радикализме Гоголь обращал порой не только к своим противникам западникам, но и к представителям противоположной партии, а именно к своим друзьям-«восточникам». Так, в 1848 г. в письме

к С. П. Шевыреву Гоголь, имея в виду полемику приятеля с либеральными журналистами по поводу своей «Переписки с друзьями» (за что писатель, казалось бы, должен быть только благодарен Шевыреву), замечал:

«Мне кажется подчас, что все то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и все в свете, и что об одной только *любви* следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная *истина*» (XV, 50).

К западнику Анненкову Гоголь одновременно обращался с призывом избегать узости радикальных взглядов, господствующих в литературе:

«...стремиться быть выше журнальной верхушки своего века есть непрменный долг всякого умного человека, если только он одарен какими-нибудь действующими способностями» (XIV, 444).

Самому Белинскому Гоголь писал:

«...думают, что посредством какой-то особенной, довольно посредствен<ной> литературы, которую вы называете бел<л>етристкой, можно подействовать на воспитание общества. Но благосостояние общества не приведут в лучшее состояние ни беспорядки, ни [пылкие головы. Брожение] внутри не исправить никаким конституциям. <...> общес<тво> слагается из единиц. <Надобно, чтобы каждая едини>ца исполнила долж<ность> свою <...>. Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но> высокий гражданин высокого небесного <гра>жданства. Покуда <ско>лько-нибудь не будет <он> жить жизнью <неб>есного гражданина — до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство» (XIV, 392).

«Довольно посредственная литература», беллетристика невысокого художественного уровня, в которой жизнь изображена «уродливо и косо», «судорожные, больные произведения века, с примесью всяких непереважившихся идей» — такова оценка Гоголем той либеральной псевдо-реалистической словесности, что приходила на смену его произведениям и уже при жизни писателя становилась, на долгие десятилетия, определяющим идеологическим стержнем русского общества. К сожалению, гоголевский упрек современной культуре,

констатация ее безоглядного максимализма и духовной незрелости, приговор закрепившемуся в литературе радикальному западничеству продолжают оставаться актуальными по сей день.

Примечания

- ¹ См. подробнее: [Курилов: 62–63, 77–79, 119].
- ² Достаточно напомнить строки письма Гоголя к М. П. Погодину от 10 мая 1836 г.: «Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины. Пророку нет славы в отчизне» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 11. С. 50. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома римской цифрой, страницы — арабской). Как вспоминал бывший студент Московской Духовной академии протоиерей Сергей Сергеевич Модестов (1832–1914), «о Гоголе даже на классе Священного Писания читал лекции известный архимандрит Феодор Бухарев, причислявший Гоголя чуть не к пророкам-обличителям, вроде Иеремии, плакавшем о пороках людских» [Модестов: 121]. См. также: [Виноградов. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: 15–17].
- ³ Библиографию по этому вопросу см.: [Тынянов], [Маргулиес, 1963, 1977], [Первушин, 1971], [Архипова], [Седуро], [Первушин, 1975], [Туниманов], [Захаров, 1981, 2013], [Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского], [Виноградов, 2003, 2004, 2005], [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3].
- ⁴ Языков Н. М. Малага // Москвитянин. 1842. Ч. I. № 2. С. 354–355.
- ⁵ [Гоголь Н. В.] Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма Н. Гоголя. Т. 2 (5 глав). М.: В Унив. Тип., 1855. С. 99. Загл. обл.: Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти.
- ⁶ Младшая сестра Гоголя, Ольга Васильевна, вспоминая о пребывании брата в родной Васильевке летом 1850 г., много лет спустя, в 1895 г., сообщала: «Просил мерку засадить желудей. Говорил: какой лес будет дубовый! А я говорю: кто его дождется? “Кто дождется, тот скажет: Царство Небесное тому, кто насадил”» [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 1, 213]. В одном из набросков к восьмой главе первого тома «Мертвых душ» (опубл. в 1896 г.) Гоголь в качестве реплики Чичикова, бранящего с досады балы, приготовил следующую фразу: «На место того, чтоб сидеть по деревням, заботиться о крестьянах <...>, разводить лес для внуков, сад, воспитывать крестьян, учить, поучать народ — они вон соберутся все в городе...» [Гоголь, 1951: 805].
 Размышления Гоголя перекликаются с публикациями 1830-х гг. «Журнала Министерства Внутренних Дел»: «Благотворное влияние лесов на изменение климата» (Журнал Министерства Внутренних Дел.

1836. Ч. XX. С. 180–181); «О влиянии истребления лесов на обмеление рек и о мерах к предохранению от него» (Журнал Министерства Внутренних Дел. 1836. Ч. XXIII. С. 282–292).

О том, что Гоголь обращался к этому журналу, свидетельствуют три выписки в его записной книжке 1841–1846 гг.: «О Пермской губернии» (IX, 663–666) (из статьи: Сведения о Пермской губернии // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1834. № 5. С. 191–219); «Моршанская мельница графа Кутайсова на реке Цне» (IX, 660–661) (из статьи: Краткое описание Моршанской мельницы Графа Кутайсова // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1837. Ч. XXIII. С. 613–616) и «О Нижегородской ярмарке» (IX, 661–663) (из публикации: <Волков А.> Статистическое обозрение Нижегородской губернии и городов ее. (Продолжение) // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1837. Ч. XXIV. С. 86–100). Отмеченные источники гоголевских выписок указываются впервые.

⁷ См. об этом: [Туниманов], [Захаров, 1981, 2012].

⁸ См. об этом: [Мельник, 2017].

⁹ См. об этом: [Мельник В. И., Мельник Т.]; Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе (1861) см. в: [Достоевский: т. 18, 64].

¹⁰ См. подробнее: [Виноградов. Космополит или патриот?...: 35–69].

¹¹ См. об этом: [Захаров, 2013: 182].

¹² См. также: [Мельник, 2010: 52].

¹³ Подробнее о критическом отношении Гоголя к модным французским знаменитостям см.: [Виноградов, 2017: т. 2, 123].

¹⁴ Подробнее о взаимоотношениях Гоголя, Пушкина и Уварова см.: [Виноградов. Н. В. Гоголь и С. С. Уваров...: 184–227], [Виноградов. «На поприще полемическом»...].

¹⁵ См.: [Федоров: 333–522].

¹⁶ См.: [Скабичевский: 280–281], [Венгеров: 250], [Буш: 208–209], [Берлинер: 494, 502–503], [Тихомиров: 58, 64].

¹⁷ См.: [Гиппиус: 79].

¹⁸ См. также: [Виноградов. Анненков — биограф Н. В. Гоголя...: 145–155], [Виноградов. Летопись...: т. 3, 516–522].

¹⁹ См.: Санктпетербургские Ведомости. 1852. 24 февр. Воскресенье. № 45. С. 181.

²⁰ См.: Северная Пчела. 1852. 25 февр. Понедельник. № 44. С. 174.

²¹ Некрасов Н. Блажен незлобивый поэт... // Современник. Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым. 1852. Т. 32. Отд. 1. С. 147–148.

²² Ср.: [Батюто: 467].

²³ Тургенев И. С. Отцы и дети // Русский Вестник. 1862. Т. 37. Февраль. С. 634.

²⁴ Так в публикации.

²⁵ Так в публикации.

²⁶ См.: [Георгий (Тертышников)], [Виноградов, 2015: 80–86], [Виноградов, 2016: 86–93].

- ²⁷ Тургенев Ив. Хорь и Калиныч. (Из записок охотника) // Современник. 1847. Т. 1. Смес. С. 62.
- ²⁸ Тургенев Ив. Записки охотника // Современник. 1847. Т. 3. С. 138.
- ²⁹ Там же. С. 157.
- ³⁰ Там же. С. 158.
- ³¹ Подробнее об отношении Гоголя к славянофильству см.: [Виноградов. Космополит или патриот?...: 35–69].
- ³² Маленькая Фадетта (*фр.*) — роман Жорж Санд. Русский перевод «Малютка Фадетта. Роман Жоржа Занда» был напечатан в 1850 г. в мартовском и апрельском номерах «Отечественных Записок».
- ³³ См.: [Виноградов, 2018: т. 4, 339–340].
- ³⁴ См.: [Комарова (Стасова): 92–93].
- ³⁵ Премьера пьесы состоялась в Москве 23 ноября 1849 г., в Петербурге — 9 декабря 1849 г.; впервые опубликовано в 1856 г.
- ³⁶ Князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878), государственный и общественный деятель, воспитанник О. М. Бодянского, и жена Черкасского (с 1850 г.) княгиня Екатерина Алексеевна (рожд. Васильчикова, 1825–1888).
- ³⁷ Имеется в виду графиня Софья Ивановна Соллогуб (рожд. Архарова, 1791–1854), сестра А. И. Васильчиковой (рожд. Архаровой), матери княгини Е. А. Черкасской.
- ³⁸ Григорьев Ап. И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа: «Дворянское гнездо» (Современник, 1859 г. № 1). Письма к Г. Г. А. К. Б. Статья вторая // Русское Слово. Литературно-ученый журнал, издаваемый графом Гр. Кушелевым-Безбородко. 1859. Май. Отд. 2. С. 22; см. также: [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 2, 563].
- ³⁹ [Тургенев: т. 2, 592–593].
- ⁴⁰ Толстой Л. Н. Письмо к М. М. Ледерле. От 25 окт. 1891 г. Я<сная> П<оляна>. См. в: [Толстой: 70].
- ⁴¹ См. подробнее: [Виноградов, 1999: 41], [Виноградов. Комментарий: 522–524].
- ⁴² Цит. по: [Нечкина: 557, 548, 563].
- ⁴³ См., напр.: [Перова].
- ⁴⁴ См. подробнее: [Виноградов. Блаженны миротворцы..., № 3: 7–18], [Виноградов. Блаженны миротворцы..., № 4: 51–67], [Виноградов. Летопись...: т. 2, 284–285].
- ⁴⁵ См.: [Виноградов. Летопись...: т. 1, 222–223, 429, 694].
- ⁴⁶ [Последняя встреча с Гоголем...: 515–516], см. также: [Виноградов. Гоголь в воспоминаниях...: т. 3, 529].

Список литературы

1. Айзеншток И. Я. Н. В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А. С. Пушкина. Серия общественных наук. — 1952. — № 3. — С. 17–38.
2. Алексеев М. П. О драматических опытах Достоевского // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921. Сборник статей и материалов под ред. Л. П. Гроссмана. — Одесса, 1921. — С. 41–62.
3. Архипова А. В. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972. — Т. 3. — С. 495–516.
4. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. — Кн. 11. — 560 с.
5. Бажото А. И. Примечания // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. — М.: Наука, 1981. — Т. 7. — С. 416–469.
6. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — Т. 1. — С. 259–307.
7. Белинский В. Г. Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — Т. 6. — С. 410–433.
8. Белинский В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва, 1846 // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 10. — С. 51–53.
9. Белинский В. Г. «Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 10. — С. 60–78.
10. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 12. — 596 с.
11. Берлинер Г. О. Чернышевский и Гоголь // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования: в 2 т. / под ред. В. В. Гиппиуса. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — Т. 2. — С. 472–533.
12. Буш В. Заметки об «Очерках гоголевского периода русской литературы» // Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / под общей ред. проф. С. 3. Каценбогена. — Саратов, 1928. — С. 197–209.
13. Венгеров С. А. Великое сердце. Виссарион Григорьевич Белинский // Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. — 2-е изд. — СПб., 1907. — С. 247–378.
14. Виноградов И. А. Пьеро, Коломбина и Арлекин: К истории создания «Тараса Бульбы» и «Ревизора» Н. В. Гоголя // Русская литература. — 1999. — № 1. — С. 36–44.
15. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — 448 с.
16. Виноградов И. А. Гоголь и юный Достоевский // Домашний лицей. — 2003. — № 3. — С. 20–31.

17. Виноградов И. А. «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Русский литературоведческий альманах: Сб. научных трудов, посвященный 75-летию со дня рождения В. Н. Аношкиной (Касаткиной). — М., 2004. — С. 229–246.
18. Виноградов И. А. «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Наш современник. — 2005. — № 8. — С. 249–256.
19. Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 387–656.
20. Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и С. С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н. В. Гоголя: в 2 ч. — М.: Русское слово, 2009. — Ч. 2. — С. 184–227.
21. Виноградов И. А. П. В. Анненков — биограф Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмые Гоголевские чтения: Сборник докладов Международной научной конференции / Департамент культуры г. Москвы; Центр. гор. б-ка — мемор. центр «Дом Гоголя» / под общ. ред. В. П. Викуловой. — М.: АНО «Феспартнер», 2009. — С. 145–155.
22. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013. — Т. 1–3. — 904 + 1032 + 1168 с.
23. Виноградов И. А. Преподобный Серафим Саровский и Гоголь: О почитании Старца в ближайшем окружении писателя // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. — М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. — С. 80–86.
24. Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. Научное издание. — М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 352 с.
25. Виноградов И. А. Почитание преподобного Серафима Саровского в ближайшем окружении Гоголя: Москва и Оптина Пустынь // Оптинский альманах / Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной пустынь. — Козельск: Изд-во Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптиной пустыни, 2016. — Вып. 5. «Добродетель ангелов». — С. 86–93.
26. Виноградов И. А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск, 2017. — Т. 15. — № 3. — С. 35–69 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506330606.pdf (17.01.2018).
27. Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 3. — С. 7–18.
28. Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 4. — С. 51–67.

29. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — Т. 1. — 1405–1808; 1809–1828. — 736 с.
30. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — Т. 2. — 1829–1836. — 672 с.
31. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — Т. 3. — 1837–1841. — 672 с.
32. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — Т. 4. — 1842–1844. — 704 с.
33. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — Т. 7. — 1851–1852. — 640 с.
34. Виноградов И. А. «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. — М.: ИМЛИ РАН (принято к печати).
35. Вяземский П. А., князь. Языков. — Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. — 1847. — 24 апр. — № 90; 25 апр. — № 91. — С. 417–422.
36. Георгий (Тертышников), архимандрит (составитель). Житие преподобного Антония (Медведева), наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры / по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. — 64 с.
37. [Гиппиус В.] Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях. — М.: Федерация, 1931. — 496 с.
38. Говоруха-Отрок Ю. Н. Чему нас учит Гоголь? // Говоруха-Отрок Ю. Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика / издание подготовили А. П. Дмитриев и Е. В. Иванова. — СПб.: Росток, 2012. — Т. 1. — С. 760–768.
39. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1951. — Т. 6 / тексты и коммент. подгот. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур. — 923 с.
40. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1952. — Т. 8 / тексты и коммент. подгот. О. Б. Билинкис, Л. М. Лотман, В. Б. Томашевский, Г. М. Фридлендер. — 816 с.
41. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. — Т. 1–17. — 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
42. Григорьев Ап. И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа: «Дворянское гнездо» (Современник, 1859 г. № 1). Письма к Г. Г. А. К. Б. Статья вторая // Русское Слово. Литературно-ученый журнал, издаваемый графом Гр. Кушелевым-Безбородко. — 1859. — Май. — Отд. 2. — С. 20–41.
43. Дементьев А. Г. Примечания / Письма о Гоголе // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — Т. 1. — С. 197–200.

44. [Долинин А. С.] Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / под ред. А. С. Долинина. — Л.: Изд-во АН СССР, 1935. — 603 с.
45. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972. — Т. 3. — 544 с.
46. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1978. — Т. 18. — 372 с.
47. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1980. — Т. 21. — 552 с.
48. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1981. — Т. 23. — 424 с.
49. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1985. — Т. 28. — Кн. 1. — 552 с.
50. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1986. — Т. 29. — Кн. 1. — 576 с.
51. [Евфимий Зигабен, монах]. Толковая Псалтырь Евфимия Зигабена (греческого философа и монаха), изъясненная по святоотеческим толкованиям. Перевод с греческого / репринтное издание. — Киев: Киево-Печерская Лавра, 1882. — М.: Издание Донского монастыря, 1993. — Т. 1. — 474 с.
52. Жуковский В. А. План учения Его Императорского Высочества, Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича // Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1880. — Т. 1. — Вып. 30. — С. 1–20.
53. Жуковский В. А. План учения Его Императорского Высочества, Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича // Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. — СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1902. — Т. 9. — С. 135–147.
54. Зайцев П. Листи Куліша до Н. Ол. Білозерської // Наше Минуте. — 1918. — № 3. — С. 114–124.
55. Захаров В. Н. Комический шедевр Достоевского // Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. — Петрозаводск: Карелия, 1981. — С. 206–213.
56. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. — М.: Индрик, 2012. — 264 с.
57. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
58. [Зотов Р. М.] Р. З. Театральная хроника // Северная Пчела. — 1846. — 19 ноября. — № 262. — С. 1045–1047.
59. [Комарова (Стасова) В. Д.] Каренин Вл. Тургенев и Жорж Санд // Тургеневский сборник / под ред. А. Ф. Кони. — СПб.: Кооперативное изд-во литераторов и ученых, 1921. — С. 87–129.
60. Корреспондент. Московская летопись // Санктпетербургские Ведомости. — 1852. — Вторник, 4 марта. — № 52. — С. 210–211.
61. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. — М.: Новое лит. обозрение, 2000. — 512 с.

62. [Кулиш П. А.] Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. — 1852. — № 4. — Отд. 8. — С. 189–201.
63. Курилов А. С. В. Г. Белинский в жизни и творчестве. — М.: Русское слово, 2012. — 152 с.
64. Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. — М.: Изд-во политической литературы, 1969. — Т. 25. — С. 93–101.
65. Леонтьев К. Н. О романах гр. Л. Н. Толстого // Русский Вестник. — 1890. — Т. 209. — Июль. — С. 232–269.
66. Леонтьев К. Н. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние. (Критический этюд). Писано в Оптиной Пустыни в 1890 г. — М.: Книготорговое Т-во «Культура», 1911. — 152 с.
67. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1999. — Т. 1: 1821–1864 / сост. Якубович И. Д., Орнатская Т. И. — 537 с.
68. Маргулиес Ю. Э. Встреча Достоевского и Гоголя (начало осени 1848 года) // Воздушные пути. Альманах. — (Нью-Йорк). — 1963. — № 3. — С. 272–294.
69. Маргулиес Ю. Э. Встреча Достоевского и Гоголя (начало осени 1848 г.) // Байкал. — (Улан-Удэ). — 1977. — № 4. — С. 136–144.
70. Мельник В. И., Мельник Т. Блаженный Иоанн Корейша в русской литературе (художественный образ и духоносная личность) // Духовный собеседник. — 2004. — № 4 (40). — С. 136–152.
71. Мельник В. И. И. А. Гончаров и Ф. М. Достоевский // Вестник славянских культур. — 2010. — № 15. — С. 51–63.
72. Мельник В. И. «Спасена буди вся земля...»: Московский блаженный Иван Яковлевич Корейша. — М.: Храм преподобного Сергия Радонежского в Гольяново, 2017. — 48 с.
73. [Модестов С. С., протоиерей]. Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. — М., 1914. — С. 112–130.
74. Нечкина М. В. Гоголь у Ленина // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. — М.; Л.: АН СССР, 1936. — Т. 2. — С. 534–572.
75. Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И. Я. Айзенштока. — Без м. изд., 1955. — Т. 1. — 543 с.
76. О периодических изданиях во Франции. (Из письма к Г. Управляющему Министерством Народного Просвещения). Париж. 19/31 Октября 1833 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1834. — № 1. — С. 118–122.
77. [Панаев И. И.] Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики // Современник. — 1855. — № 6. — [Отд. 6]. — С. 254–269.
78. Первушин Н. В. Встречался ли Достоевский с Гоголем // Новый журнал. — (Нью-Йорк). — 1971. — Т. 105. — С. 164–172.
79. Первушин Н. В. Гоголь и Достоевский. По поводу одной полемики // Новый журнал. — (Нью-Йорк). — 1975. — Т. 121. — С. 279–281.
80. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. — СПб.: Тип. М-ва пут. со-

- общ., 1896. — Т. 3. — 854 с.
81. Перова Е. Ю. Литературоцентричность русской культуры как особенность национального мировосприятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — № 21 (707). — С. 152–159.
  82. Письма М. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому / ред., вступ. ст. и коммент. А. С. Долинина // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / под ред. А. С. Долинина. — Л.: АН СССР, 1935. — С. 505–579.
  83. [Плетнев П. А.] Некролог: Николай Васильевич Гоголь // Отечественные Записки, учено-литературный журнал, издаваемый А. Краевским. — 1852. — Т. 81. — № 3. — Отд. 8. — С. 131–132.
  84. Последняя встреча с Гоголем. (Из воспоминаний П. В. Анненкова о Москве осенью 1851 года) // П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. — СПб., 1892. — С. 515–516.
  85. Пушкин А. С. Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. 12. — С. 67–74.
  86. [Самарин Ю. Ф.] М... З... К... О мнениях Современника исторических и литературных // Москвитянин. — 1847. — № 2. — С. 133–222.
  87. Седуро Вл. А все-таки встреча Достоевского с Гоголем была // Новый журнал. — (Нью-Йорк). — 1974. — Т. 117. — С. 84–100.
  88. Серафим (Чичагов), архимандрит (составитель), <священномученик>. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ<ернии> Ардатовского уезда. 2-е изд. — СПб.: Издание Серафимо-Дивеевского монастыря, 1903. — 852 с.
  89. Скабичевский А. М. Сорок лет русской критики. 1820–1860 // Скабичевский А. М. Соч.: в 2 т. / изд. Ф. Павленкова. — СПб., 1890. — Т. 1. — Стб. 279–572.
  90. [Стасов В. В.] Цензура в царствование императора Николая I // Русская Старина. — 1903. — № 3. — С. 571–591.
  91. Тихомиров В. В. Теоретические основы литературной критики Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Сборник научных трудов. — Саратов, 2010. — Вып. 17. — С. 58–75.
  92. [Толбин В. В.] Несколько слов о Гоголе. (Отрывок литературного письма). — СПб., 1852 (цензурное разрешение 3 апр.). — 15 с.
  93. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. — М.: Худож. лит., 1953. — Т. 66. — 528 с.
  94. Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854–1862. — Л.: Наука, 1980. — 296 с.
  95. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. — М.: Наука, 1979. — Т. 2. — 704 с.; М.: Наука, 1981. — Т. 7. — 560 с.
  96. Тьянянов Ю. Достоевский и Гоголь. (К теории пародии). — Пг.: ОПОЯЗ,

1921. — 47 с.
97. <Уваров С. С.> Попечитель Санктпетербургского Учебного Округа. О преподавании Истории относительно к народному воспитанию. — СПб.: В Типографии Ф. Дрехслера, 1813. — 28 с.
98. <Уваров С. С.> 1832. Декабря 4. С представлением отчета Тайного Советника Уварова по обозрению им Московского Университета и Гимназий // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1803–1864. — СПб., 1867. — С. 339–370.
99. <Уваров С. С.> 1833. Марта 21. Циркулярное предложение Г<-на> Управляющего Министерством Народного Просвещения Начальствам Учебных Округов, о вступлении в управление Министерством // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1834. — Ч. 1. — № 1. — Генварь. — Отд. 1. — С. XLIX–L.
100. Федоров А. В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. — М.: Русское слово, 2017. — 752 с.
101. [Фетисенко О. Л.] Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. — СПб.: Пушкинский дом, 2012. — 728 с.
102. Филиппов Т. И. Не так живи, как хочется. Народная драма в трех действиях. Сочинение А. Н. Островского. Москва. 1855 // Сборник Т. Филиппова. — СПб., 1896. — С. 15–42.
103. [Хомяков А. С.] Мнение русских об иностранцах. Письмо к приятелю, А. Хомякова // Московский литературный и ученый сборник. — 1846. — С. 145–198.

Дата поступления в редакцию: 15.12.2017

Дата публикации: 29.06.2018

Igor A. Vinogradov

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

info@imli.ru

THE LITERARY SERMON OF N. GOGOL: PRO ET CONTRA

Abstract. The article is devoted to the study of the contradictory attitude to Gogol's creative heritage in the posterior Russian literature. The author analyzes the conflict between the content of the writer's works and the pathos of his closest "successors", representatives of the so-called "natural school", which united the writers of the Western direction headed by V. G. Belinsky and N. A. Nekrasov. The role of P. V. Annenkov, V. P. Botkin, I. S. Turgenev, N. G. Chernyshevsky, etc. in the campaign against Gogol launched in 1847 by Belinsky regarding the publication of the "Selected passages from the correspondence with friends" is stressed. The special attitude to Gogol's traditions by F. M. Dostoevsky is considered in detail. The history of Turgenev's article about the death of Gogol in 1852 is analyzed. The origins of the famous satirical attack of Turgenev's character Bazarov regarding Gogol's "Fathers and sons" are clarified. The objective view of Gogol's estimations of Turgenev's works is presented. For the first time the history of the origin and development of "literary centrism" of the national culture of 19th–20th centuries.

Keywords: N. V. Gogol, creativity, interpretation, traditions, profetism, literary centrism, sermon, "Selected passages from the correspondence with friends", Westernism, Slavophilism, polemics, parody

References

1. Ayzenshtok I. Ya. N. V. Gogol and St. Petersburg University. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh nauk* [Vestnik of Leningrad State University Named After A. S. Pushkin. Series of Social Sciences], 1952, no. 3, pp. 17–38. (In Russ.)
2. Alekseev M. P. On the Dramatic Experiments of Dostoevsky. In: *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1821–1881–1921. Sbornik statey i materialov pod redaktsiey L. P. Grossmana* [Works of Dostoevsky. 1821–1881–1921. Collection of Articles and Materials Edited by L. P. Grossman]. Odessa, 1921, pp. 41–62. (In Russ.)
3. Arkhipova A. V. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 3, pp. 495–516. (In Russ.)
4. Barsukov N. P. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina: v 22 knigakh* [Life and Works of M. P. Pogodin: in 22 Books]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1897, book 11. 560 p. (In Russ.)

5. Batyuto A. I. Notes. In: *Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Sochineniya: v 12 tomakh* [Turgenev I. S. Complete Works and Letters: in 30 Vols. Works: in 12 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 1981, vol. 7, pp. 416–469. (In Russ.)
6. Belinskiy V. G. About the Russian Story and the Stories of Mr. Gogol. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953, vol. 1, pp. 259–307. (In Russ.)
7. Belinskiy V. G. Explanation of the Explanation on Gogol's Poem "Dead Souls". In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 6, pp. 410–433. (In Russ.)
8. Belinskiy V. G. Chichikov's Adventures, or Dead Souls. The Poem by N. Gogol. Second Edition. Moscow. 1846. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 10, pp. 51–53. (In Russ.)
9. Belinskiy V. G. The Selected Passages of Nikolai Gogol's Correspondence with Friends. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 10, pp. 60–78. (In Russ.)
10. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 12. 596 p. (In Russ.)
11. Berliner G. O. Chernyshevsky and Gogol. In: *N. V. Gogol'. Materialy i issledovaniya: v 2 tomakh* [N. V. Gogol. Materials and Researches: in 2 Vols]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, vol. 2, pp. 472–533. (In Russ.)
12. Bush V. Notes on the "Essays on the Gogol Period of Russian Literature". In: *Nikolay Gavrilovich Chernyshevskiy. 1828–1928. Neizdannyye teksty, materialy i stat'i* [Nikolai Gavrilovich Chernyshevskiy. 1828–1928. Unpublished Texts, Materials and Articles]. Saratov, 1928, pp. 197–209. (In Russ.)
13. Vengerov S. A. The Great Heart. Vissarion Grigorievich Belinsky. In: *Vengerov S. A. Ocherki po istorii russkoy literatury* [Essays on the History of Russian Literature]. St. Petersburg, 1907, pp. 247–378. (In Russ.)
14. Vinogradov I. A. Piero, Colombina and Harlequin: On the History of the Creation of "Taras Bulba" and "The Government Inspector" by N. V. Gogol. In: *Russkaya literatura*, 1999, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.)
15. Vinogradov I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniya* [Gogol as an Artist and a Thinker: Christian Foundations of the World Outlook]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
16. Vinogradov I. A. Gogol and Young Dostoevsky. In: *Domashniy litsey*, 2003, no. 3, pp. 20–31. (In Russ.)

17. Vinogradov I. A. "Taras Bulba" and Young Dostoevsky. In: *Russkiy literaturovedcheskiy al'manakh: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy 75-letiyu so dnya rozhdeniya V. N. Anoshkinoy (Kasatkinoy)* [The Russian Almanac on the History and Criticism of Literature: Collection of Scientific Works Dedicated to the 75th Anniversary of V. N. Anoshkina (Kasatkina)]. Moscow, 2004, pp. 229–246. (In Russ.)
18. Vinogradov I. A. "Taras Bulba" and Young Dostoevsky. In: *Nash sovremennik*, 2005, no. 8, pp. 249–256. (In Russ.)
19. Vinogradov I. A. Commentary. In: *Gogol' N. V. Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniya. Istoriko-literaturnyy i tekstologicheskiy kommentariy* [Gogol N. V. Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 387–656. (In Russ.)
20. Vinogradov I. A. N. V. Gogol and S. S. Uvarov: Orthodoxy, Autocracy, Nationality. In: *Dukhovnyy put' N. V. Gogolya: v 2 chastyakh* [The Spiritual Way of N. V. Gogol: in 2 Parts]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2009, part 2, pp. 184–227. (In Russ.)
21. Vinogradov I. A. P. V. Annenkov as the Biographer of N. V. Gogol. In: *N. V. Gogol' i ego literaturnoe okruzhenie: Vos'mye Gogolevskie chteniya: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [N. V. Gogol and His Literary Environment: The Eighth Gogol Readings: Collection of Reports of the International Scientific Conference]. Moscow, Festpartner Publ., 2009, pp. 145–155. (In Russ.)
22. Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyy sistematicheskiy svod dokumental'nykh svidel'tstv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 tomakh* [Gogol in Memoirs, Diaries, Letters of His Contemporaries: The Complete Digest of Documentary Records: in 3 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011–2013, vol. 1–3. 904 + 1032 + 1168 p. (In Russ.)
23. Vinogradov I. A. The Monk Seraphim of Sarov and Gogol: On the Veneration of the Elder in the Writer's Closest Network. In: *Tvorchestvo Gogolya v dialoge kul'tur. Chetyrnadtsatye Gogolevskie chteniya* [Gogol's Works in the Dialogue of Cultures. The Fourteenth Gogol Readings]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskiy izdatel'skiy dom Publ., 2015, pp. 80–86. (In Russ.)
24. Vinogradov I. A. *Gogol' v Nezhinskoy gimnazii vysshikh nauk: Iz istorii obrazovaniya v Rossii* [Gogol in the Nezhin High School: From the History of Education in Russia]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
25. Vinogradov I. A. The Veneration of the Monk Seraphim of Sarov in the Writer's Closest Network: Moscow and Optina Pustyn'. In: *Optinskiy al'manakh / Vvedenskiy stavropigial'nyy muzhskoy monastyr' Optina pustyn'* [The Optina Almanac / Vvedenskiy Stavropegic Monastery Optina Pustyn']. Kozelsk, Vvedenskiy stavropegic monastery Optina Pustyn' Publ., 2016, issue 5: "Virtue of the Angels", pp. 86–93. (In Russ.)

26. Vinogradov I. A. A Cosmopolitan or a Patriot? The Conception of Patriotism in Disputes with Gogol and About Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2017, vol. 15, no. 3, pp. 35–69. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506330606.pdf (accessed on January 17, 2018) (In Russ.)
27. Vinogradov I. A. Blessed are the Peacemakers. From the Story of the Two Ivans to the Idea of “Dead Souls”. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2017, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.)
28. Vinogradov I. A. Blessed are the Peacemakers. From the Story of the Two Ivans to the Idea of “Dead Souls” (Continuation). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2017, no. 4, pp. 51–67. (In Russ.)
29. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). S rodoslovnoy letopis'yu (1405–1808): v 7 tomakh* [Chronicle of Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852). With a Genealogical Chronicle (1405–1808): in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, vol. 1: 1405–1808; 1809–1828. 736 p. (In Russ.)
30. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852): v 7 tomakh* [Chronicle of Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852): in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, vol. 2: 1829–1836. 672 p. (In Russ.)
31. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852): v 7 tomakh* [Chronicle of Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852): in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, vol. 3: 1837–1841. 672 p. (In Russ.)
32. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852): v 7 tomakh* [Chronicle of the Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852): in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, vol. 4: 1842–1844. 704 p. (In Russ.)
33. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852): v 7 tomakh* [Chronicle of the Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852): in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, vol. 7: 1851–1852. 640 p. (In Russ.)
34. Vinogradov I. A. “In the Polemical Field”: Gogol as a Journalist and a Publicist. In: *Ocherki istorii russkoy publitsistiki* [Essays on the History of Russian Publicism]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Print). (In Russ.)
35. Vyazemskiy P. A., knyaz'. Yazykov. — Gogol. In: *Sanktpeterburgskie Vedomosti* [The St. Petersburg Gazette], 1847, 24 April — no. 90; 25 April — no. 91, pp. 417–422. (In Russ.)

36. Georgiy (Tertyshnikov), Archimandrite. *Zhitie prepodobnogo Antoniia (Medvedeva), namestnika Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry* [*The Life of the Monk Anthony (Medvedev), the Vicar of the Holy Trinity Sergius Lavra*]. The Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 1996. 64 p. (In Russ.)
37. Gippius V. N. *V. Gogol' v pis'makh i vospominaniyakh* [N. V. Gogol in *Letters and Memoirs*]. Moscow, Federatsiya Publ., 1931. 496 p. (In Russ.)
38. Govorukha-Otrok Yu. N. What Does Gogol Teach Us? In: *Govorukha-Otrok Yu. N. Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaya kritika i religioznofilosofskaya publitsistika* [Govorukha-Otrok Yu. N. *What Did the Russian Writers Believe In? Literary Criticism and Religious and Philosophical Publicism*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2012, vol. 1, pp. 760–768. (In Russ.)
39. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 Vols]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951, vol. 6. 923 p. (In Russ.)
40. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 Vols]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 8. 816 p. (In Russ.)
41. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010, vol. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 p. (In Russ.)
42. Grigor'ev Ap. I. S. Turgenev and His Actions Regarding the Novel: “Home of the Gentry” (The Contemporary, 1859. No. 1). Letters to G. G. A. K. B. The Second Article. In: *Russkoe Slovo. Literaturno-uchennyi zhurnal, izdavaemyi grafom Kushelevym-Bezborodko* [The Russian Word. The Literary and Scientific Journal Published by Count Kushelev-Bezborodko]. 1859. May, department 2, pp. 20–41. (In Russ.)
43. Dement'ev A. G. Notes. In: *N. V. Gogol'. Materialy i issledovaniya* [N. V. Gogol. *Materials and Researches*]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, vol. 1, pp. 197–200. (In Russ.)
44. Dolinin A. S. *F. M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. *Materials and Researches*]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935. 603 p. (In Russ.)
45. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 3. 544 p. (In Russ.)
46. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 18. 372 p. (In Russ.)
47. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, vol. 21. 552 p. (In Russ.)
48. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 23. 424 p. (In Russ.)
49. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 28, book 1. 552 p. (In Russ.)
50. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 29, book 1. 576 p. (In Russ.)

51. Evfimiy Zigaben, monk. *Tolkovaya Psaltyr' Evfimiya Zigabena (grecheskogo filosofa i monakha), iz "yasnennaya po svyatootecheskim tolkovaniyam. Perevod s grecheskogo [The Explanatory of the Psalter by Evfimiya Zigaben (Greek Philosopher and Monk), Expounded on Patristic Interpretations. Translation from Greek]*. Kiev, Kiev Pechersk Lavra Publ., 1882. Moscow, Donskoi Monastery Publ., 1993, vol. 1. 474 p. (Reprint Edition). (In Russ.)
52. Zhukovskiy V. A. The Plan of the Teaching of His Imperial Highness, the Sovereign Grand Duke the Heir Tsesarevich Alexander Nikolaevich. In: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]*. St. Petersburg, 1880, vol. 1, issue 30, pp. 1–20. (In Russ.)
53. Zhukovskiy V. A. The Plan of the Teaching of His Imperial Highness, the Sovereign Grand Duke the Heir Tsesarevich Alexander Nikolaevich. In: *Zhukovskiy V. A. Polnoe sobranie sochineniy: v 12 tomakh [Zhukovsky V. A. Complete Works: in 12 Vols]*. St. Petersburg, Izdanie A. F. Marksa Publ., 1902, vol. 9, pp. 135–147. (In Russ.)
54. Zaytsev P. Letters of Kulish to N. Ol. Belozersky. In: *Nashe Minule [Our Past]*, 1918, no. 3, pp. 114–124. (In Ukrainian)
55. Zakharov V. N. The Comic Masterpiece of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy F. M. Selo Stepanchikovo i ego obitateli [Dostoevsky F. M. The Village of Stepanchikovo and Its Residents]*. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1981, pp. 206–213. (In Russ.)
56. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty [The Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects]*. Moscow, Indrik Publ., 2012. 264 p. (In Russ.)
57. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name is Dostoevsky. An Essay on the Creative Work]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
58. Zotov R. M. R. Z. The Theater Chronicle. In: *Severnaya Pchela [The Northern Bee]*, 1846, 19 November, no. 262, pp. 1045–1047. (In Russ.)
59. Komarova (Stasova) V. D., Karenin Vl. Turgenev and George Sand. In: *Turgenevskiy sbornik [Turgenev Collection]*. St. Petersburg, Kooperativnoe izdatel'stvo literatorov i uchenykh Publ., 1921, pp. 87–129. (In Russ.)
60. Korrespondent. The Moscow Chronicle. In: *Sanktpeterburgskie Vedomosti [The St. Petersburg Gazette]*, 1852, Tuesday, March 4, no. 52, pp. 210–211. (In Russ.)
61. Koshelev V. A. *Aleksey Stepanovich Khomyakov, zhizneopisanie v dokumentakh, v rassuzhdeniyakh i razyskaniyakh [Aleksey Stepanovich Khomyakov, Biography in Documents, in Reflexions and Researches]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 512 p. (In Russ.)
62. Kulish P. A. Several Features for the Biography of Nikolai Vasilievich Gogol. In: *Otechestvennye Zapiski*, 1852, no. 4, department 8, pp. 189–201. (In Russ.)
63. Kurilov A. S. V. G. *Belinskiy v zhizni i tvorchestve [V. G. Belinsky in Life and Work]*. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2012. 152 p. (In Russ.)

64. Lenin V. I. From the Past of the Labour Press in Russia. In: *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 tomakh* [Lenin V. I. Complete Works: in 55 Vols]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1969, vol. 25, pp. 93–101. (In Russ.)
65. Leont'ev K. N. About Novels of Count L. N. Tolstoy. In: *Russkiy Vestnik*, 1890, vol. 209, July, pp. 232–269. (In Russ.)
66. Leont'ev K. N. *O romanakh grafa L. N. Tolstogo. Analiz, stil' i veyanie. (Kriticheskiy etyud). Pisano v Optinoy Pustyni v 1890 g.* [About Novels of Count L. N. Tolstoy. Analysis, Style and Trend. (Critical Essay). Written in Optina Pustyn' in 1890]. Moscow, Knigotorgovoe Tovarishchestvo Kul'tura Publ., 1911. 152 p. (In Russ.)
67. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1: 1821–1864. 537 p. (In Russ.)
68. Margulies Yu. E. The Meeting of Dostoevsky and Gogol (the Beginning of Autumn of 1848). In: *Vozdushnye puti. Al'manakh* [Air Ways. Almanac]. New York, 1963, no. 3, pp. 272–294. (In Russ.)
69. Margulies Yu. E. The Meeting of Dostoevsky and Gogol (the Beginning of Autumn of 1848). In: *Baykal*. Ulan-Ude, 1977, no. 4, pp. 136–144. (In Russ.)
70. Mel'nik V. I., Mel'nik T. Blessed John Koreisha in Russian Literature (The Artistic Image and Spiritual Personality In: *Dukhovnyy sobesednik*, 2004, no. 4 (40), pp. 136–152. (In Russ.)
71. Mel'nik V. I. I. A. Goncharov and F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2010, no. 15, pp. 51–63. (In Russ.)
72. Mel'nik V. I. «Spasena budi vsya zemlya...»: *Moskovskiy blazhennyi Ivan Yakovlevich Koreysha* [“The Whole World Will Be Saved...”: Moscow Blessed Ivan Yakovlevich Koreysha]. Moscow, Church of St. Sergius of Radonezh in Golyanovo Publ., 2017. 48 p. (In Russ.)
73. Modestov S. S., Archpriest. From the Memoirs of Archpriest S. S. Modestov. In: *U Troitsy v Akademii. 1814–1914. Yubileynyy sbornik istoricheskikh materialov* [At the Trinity in the Academy. 1814–1914. The Jubilee Collection of Historical Materials]. Moscow, 1914, pp. 112–130. (In Russ.)
74. Nechkina M. V. Gogol in Lenin's Writings. In: *Materialy i issledovaniya* [Materials and Researches]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, vol. 2, pp. 534–572. (In Russ.)
75. Nikitenko A. V. *Dnevnik: v 3 tomakh* [Diary: in 3 Vols]. 1955, vol. 1. 543 p. (In Russ.)
76. About Periodicals in France. (From a Letter to the General Manager of the Ministry of National Education). Paris. 19/31 October 1833. In: *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [The Journal of the Ministry of Public Education], 1834, no. 1, pp. 118–122. (In Russ.)
77. Panaev I. I. Notes and Reflections of the New Poet About Russian Journalism. In: *Sovremennik* [The Contemporary], 1855, no. 6, section 6, pp. 254–269. (In Russ.)

78. Pervushin N. V. Did Dostoevsky Meet Gogol? In: *Novyy Zhurnal [The New Journal]*. New York, 1971, vol. 105, pp. 164–172. (In Russ.)
79. Pervushin N. V. Gogol and Dostoevsky. About One Dispute. In: *Novyy Zhurnal [The New Journal]*. New York, 1975, vol. 121, pp. 279–281. (In Russ.)
80. *Perepiska Ya. K. Grota s P. A. Pletnevym [The Correspondence of Ya. K. Grot with P. A. Pletnev]*. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva Putey Soobshcheniya Publ., 1896, vol. 3. 854 p. (In Russ.)
81. Perova E. Yu. Literature-Centeredness of Russian Culture as a Feature of the National Perception of the World In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Series: The Humanities]*, 2014, no. 21 (707), pp. 152–159. (In Russ.)
82. Letters from M. M. Dostoevsky to F. M. Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [F. M. Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935, pp. 505–579. (In Russ.)
83. Pletnev P. A. The Obituary. Nikolai Vasilievich Gogol. In: *Otechestvennyye Zapiski*, 1852, vol. 81, no. 3, department 8, pp. 131–132. (In Russ.)
84. The Last Meeting with Gogol. (From the Memoirs of P. V. Annenkov About Moscow in Autumn of 1851). In: *P. V. Annenkov i ego druz'ya. Literaturnye vospominaniya i perepiska 1835–1885 godov [P. V. Annenkov and His Friends. Literary Memoirs and Correspondence of 1835–1885]*. St. Petersburg, 1892, pp. 515–516. (In Russ.)
85. Pushkin A. S. The Opinion of M. E. Lobanov on the Spirit of Literature, both Foreign and National. In: *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [Pushkin A. S. Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 12, pp. 67–74. (In Russ.)
86. Samarin Yu. F. M... Z... K... About Historical and Literary Opinions of the Contemporary. In: *Moskvityanin*, 1847, no. 2, pp. 133–222. (In Russ.)
87. Seduro V. I. The Meeting of Dostoevsky and Gogol Did Take Place. In: *Novyy Zhurnal [The New Journal]*. New York, 1974, vol. 117, pp. 84–100. (In Russ.)
88. Serafim (Chichagov), Archimandrite. *Letopis' Serafimo-Diveevskogo monastyrya Nizhegorodskoy gubernii Ardatovskogo uyezda [The Annals of the Serafimo-Diveevsky Monastery, in Nizhny Novgorod Province, in Ardatov District]*. St. Petersburg, Saint Seraphim-Diveyevo Monastery Publ., 1903. 852 p. (In Russ.)
89. Skabichevskiy A. M. Forty Years of Russian Criticism. 1820–1860. In: *Skabichevskiy A. M. Sochineniya: v 2 tomakh [Scabichevsky A. M. Works: in 2 Vols]*. St. Petersburg, 1890, vol. 1, column 279–572. (In Russ.)
90. Stasov V. V. Censorship in the Reign of Emperor Nicholas I. In: *Russkaya Starina*, 1903, no. 3, pp. 571–591. (In Russ.)
91. Tikhomirov V. V. Theoretical Basis of Literary Criticism by N. G. Chernyshevsky. In: *N. G. Chernyshevskiy. Stat'i, issledovaniya i materialy. Sbornik nauchnykh trudov [N. G. Chernyshevsky. Articles, Researches and Materials. Collection of Scientific Papers]*. Saratov, 2010, issue 17, pp. 58–75. (In Russ.)

92. Tolbin V. V. *Neskol'ko slov o Gogole. (Otryvok literaturnogo pis'ma)* [A Few Words About Gogol. (A Fragment of a Literary Letter)]. St. Petersburg, 1852. 15 p. (In Russ.)
93. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh* [Complete Works: in 90 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1953, vol. 66. 528 p. (In Russ.)
94. Tunimanov V. A. *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1854–1862* [Writings of Dostoevsky. 1854–1862]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 296 p. (In Russ.)
95. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Sochineniya: v 12 tomakh* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Writings: in 12 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 1979, vol. 2. 704 p.; Moscow, Nauka Publ., 1981, vol. 7. 560 p. (In Russ.)
96. Tynyanov Yu. *Dostoevskiy i Gogol'. (K teorii parodii)* [Dostoevsky and Gogol. (On the Theory of Parody)]. Petrograd, Society for the Study of Poetic Language Publ., 1921. 47 p. (In Russ.)
97. Uvarov S. S. *O prepodavanii istorii odnositel'no k narodnomu vospitaniyu* [About the Teaching of History in Relation to the Public Education]. St. Petersburg, V tipografii F. Drekhslera Publ., 1813. 28 p. (In Russ.)
98. Uvarov S. S. 1832. December 4th. The Presentation of the Report of the Secret Advisor Uvarov on the Review of Moscow University and Gymnasiums. In: *Dopolnenie k Sborniku postanovleniy po Ministerstvu Narodnogo Prosveshcheniya. 1803–1864* [A Supplement to the Collection of Resolutions on the Ministry of the Public Education]. St. Petersburg, 1867, pp. 339–370. (In Russ.)
99. Uvarov S. S. 1833. March 21st. A Circular Proposal of the Governor of the Ministry of the National Education to the Heads of the Educational Districts, on Joining the Ministry of Education. In: *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of the Public Education], 1834, part 1, no. 1, January, department 1, pp. 49–50. (In Russ.)
100. Fedorov A. V. *Aleksey Konstantinovich Tolstoy i russkaya literatura ego vremeni* [Aleksey Konstantinovich Tolstoy and Russian Literature of His Times]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2017. 752 p. (In Russ.)
101. Fetisenko O. L. *Proroki Vizantizma: Perepiska K. N. Leont'eva i T. I. Filippova (1875–1891)* [Prophets of Byzantinism: Correspondence Between K. N. Leont'ev and T. I. Filippov (1875–1891)]. St. Petersburg, Pushkinskiy dom Publ., 2012. 728 p. (In Russ.)
102. Filippov T. I. Lead a Life Not as You Would Like To. A Folk Drama in Three Acts. Composition of A. N. Ostrovsky. Moscow. 1855. In: *Sbornik T. Filippova* [Collection of T. Filippov]. St. Petersburg, 1896, pp. 15–42. (In Russ.)
103. Khomyakov A. S. Opinion of Russians About Foreigners. A Letter to a Friend, A. Khomyakov. In: *Moskovskiy literaturnyy i uchenyy sbornik* [The Moscow Literary and Scientific Collection], 1846, pp. 145–198. (In Russ.)

Received: December 15, 2017

Date of publication: June 29, 2018